

Мария-Луиза фон Франц

Процесс индивидуации

Образец психического роста

В начале этой книги д-р К.Г.Юнг познакомил читателя с понятием бессознательного, с личностными и коллективными его структурами, с символическим способом его выражения. Имея представление о жизненной важности произведенных бессознательным символов (как о целительном, так и разрушительном их воздействии), мы сталкиваемся с трудной проблемой интерпретации. Д-р Юнг показал, что все зависит от того, насколько та или иная интерпретация "созвучна" индивиду и обладает для него смыслом. Тем самым он указал на возможное значение и функции символизма сновидений.

Но вместе с развитием теории Юнга отсюда возник еще один вопрос: какова цель всей сновидческой жизни индивида? Какую роль играют сновидения не только в экономике психического бытия, но в человеческой жизни в целом?

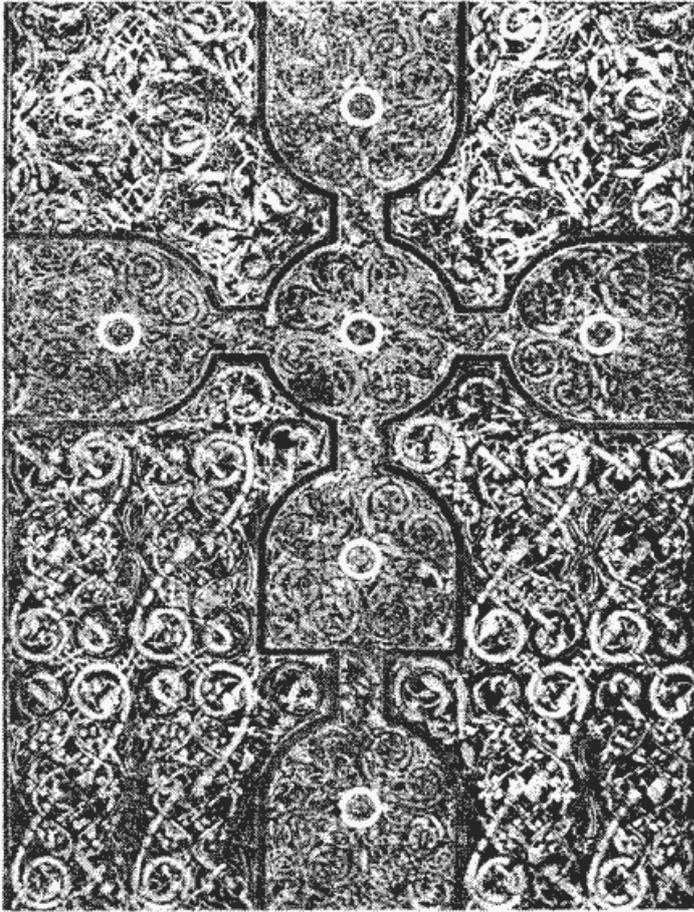
Наблюдая огромное число людей и изучая их сновидения (по его собственной оценке он проанализировал, по меньшей мере, 80 000 сновидений), Юнг обнаружил, что не только все сны соответствуют различным уровням жизни сновидца, но и то, что все они представляют собой части единой великой сети психологических факторов. Он также обнаружил, что все они, по-видимому, следуют единому порядку или образцу. Этот образец Юнг назвал "принципом индивидуации". Так как сновидения каждую ночь дают нам многообразие различных образов и сцен, то люди, не являющиеся внимательными наблюдателями, не отдают себе отчета о наличии какого бы то ни было образца. Но если кто-нибудь понаблюдает за своими сновидениями несколько лет подряд и изучит всю их последовательность, то он увидит, что некие содержания появляются, исчезают, чтобы затем появиться снова. Многим людям во сне постоянно являются те же самые фигуры, ландшафты или ситуации; если проследить эти серии целиком, то становятся заметными медленные, но ощутимые изменения.

Так жизнь наших сновидений создает блуждающий образец, в котором проступают индивидуальные стремления и тенденции, способные в какой-то момент исчезать, а затем снова возвращаться.

Если понаблюдать за этими колебаниями долгое время, то мы заметим работу некой скрытой тенденции, регулирующей или направляющей колебания, созидающей неторопливый, неощутимый процесс психического роста — процесс индивидуации.

Постепенно появляется более широкая и более зрелая личность, которая шаг за шагом обретает действительность и даже становится видимой для других. Тот факт, что мы часто говорим о "задержках в развитии", показывает, что мы заранее предполагаем возможность роста и созревания для каждого индивида. Поскольку этот психический рост не осуществим посредством волевых усилий, но происходит самопроизвольно и естественно, то в сновидениях он часто символизируется деревом, медленный, могучий и самопроизвольный рост которого следует определенному образцу.

Организирующий центр, из которого регулируется этот рост, выступает как своего рода "атомное ядро" в системе нашей психики. Его можно было бы также назвать центром изобретения, организации, истоком образов сновидений. Юнг называл этот центр Самостью и описывал его как тотальность всей души, чтобы отличить его от "эго", составляющего лишь малую часть целостной психики.

Наверху --- «меандр» (особого рода узор, украшающий манускрипт 7-го века). Сны отдельного человека кажутся такими же страшными и обрывочными, как выделенная (справа) деталь этого узора; однако по мере того как на протяжении всей его жизни идет работа сновидений, проступает подобный меандру образец (паттерн), извещающий о процессе психического роста.

На протяжении веков люди интуитивно ощущали существование такого внутреннего центра. Греки называли его внутренним *daimon*, в Египте для него имелось выражение *Бадуша*, римляне поклонялись ему как "гению", который прирожден каждому человеку. В более примитивных обществах его часто мыслили как духа-защитника, пребывающего в животном или в фетише. Такой внутренний центр осознается в исключительно чистой, незамутненной форме индейцами *Наскапи*, доньше живущими в лесах полуострова *Лабрадор*. Это народ охотников, живущих обособленными семейными группами, столь отдаленными одна от другой, что у них не могли развиться общеплеменные обычаи и коллективные религиозные верования и ритуалы. В этом пожизненном одиночестве охотник *Наскапи* должен опираться только на собственный внутренний голос и на откровения бессознательного; у него нет учителей религии, которые рассказали бы ему, во что ему верить, какими должны быть ритуалы, празднества или обычаи, которые могли

бы ему помочь. Основу его мировоззрения составляет то, что душа человека является "внутренним спутником", которого он называет "мой друг" или Mista'pea, что означает "Великий Человек". Mista'pea пребывает в сердце, он бессмертен; в момент смерти или незадолго до нее он покидает индивида, а затем перевоплощается в другое существо.

Те из Наскапи, которые обращают внимание на свои сновидения и стараются раскрыть их смысл, проверить их истинность, могут входить в более глубокий контакт с Великим Человеком. Он благосклонен к таким людям и посылает им много "хороших" сновидений. Главной обязанностью индейца Наскапи является следование наставлениям, полученным в сновидениях, после чего он должен придать их содержанию внешнюю постоянную форму, воплотив его в произведение искусства. Ложь и нечестность отталкивают Великого Человека, уходящего из внутреннего царства человека, тогда как щедрость и любовь к ближнему или к животным притягивают и пробуждают Великого Человека. Сновидения дают индейцу Наскапи способ обнаружения жизненного пути, причем, не только во внутреннем, но и во внешнем природном мире. Они помогают ему предсказывать погоду, дают бесценные подсказки на охоте — от нее зависит вся его жизнь. Я ссылаюсь на эти первобытные племена, поскольку они не были заражены идеями нашей цивилизации и сохранили естественное видение той сущности, которую Юнг назвал Самостью.

Самость можно определить как внутренний направляющий фактор, отличающийся от сознательной личности, который может улавливаться только путем исследования собственных сновидений. Они показывают, что Самость есть регулирующий центр, который способствует постоянному расширению и созреванию личности. Но этот более широкий, чуть ли не целостный аспект психики поначалу выступает лишь как врожденная возможность. Самость может являть себя лишь в малой части, но она может сравнительно полно развиться на протяжении жизни. Насколько этот аспект разовьется, зависит от желаний или нежелания эго вслушиваться в послания Самости. К замеченному индейцами Наскапи — что восприимчивый к указаниям Великого Человека получает лучшие и способные помогать сновидения — мы могли бы добавить, что врожденный Великий Человек становится более реальным у восприимчивого лица, нежели у того, кто его игнорирует. Восприимчивая личность становится более цельным человеческим существом.

Кажется даже, что эго было создано природой не для того, чтобы неограниченно следовать своим произвольным побуждениям, но для того, чтобы помогать в осуществлении целостной психики. Именно эго помогает высветить всю систему в целом, позволяет ей прийти к сознанию, а тем самым и к реальности. Например, если я обладаю художественным даром, который не осознается моим эго, то он останется как бы не существующим — с ним ничего не происходит. Он реализуется только в том случае, если он будет замечен моим эго. Врожденная, но скрытая целостность психики отличается от полностью осуществленной и пережитой целостности.

Можно изобразить это следующим образом: семечко горной сосны в скрытом виде содержит в себе все будущее дерево, но каждое из семян падает в определенное время в какое-то место, отличающееся от других по ряду факторов (качество почвы, камней, склона, открытого солнцу или ветру). Скрытая в семени сосна реагирует на эти обстоятельства — избегает камней, тянется к солнцу — и в результате растущее дерево получает свой образ. Отдельная сосна медленно приходит к существованию, в котором разворачивается ее тотальность, вступая в царство реальности. Без живого дерева образ сосны есть лишь возможность или абстрактная идея. Точно так же реализация этой неповторимости у отдельного человека есть цель процесса индивидуации.

Можно рассматривать этот процесс у человека подобно тому, как он предстает у других живых существ — самостоятельно и бессознательно, как процесс, в котором человек осуществляет свою врожденную человеческую природу. Однако, строго говоря, процесс индивидуации реален лишь в том случае, если индивид отдает себе отчет о процессе, сознательно вступает с ним во взаимосвязь. Нам неизвестно, осознает ли сосна собственный рост, радуется она или страдает, переживая разного рода воздействия, которые ее формируют. Но человек безусловно способен сознательно участвовать в своем развитии. Он даже чувствует, что время от времени он может активно содействовать развитию своими свободно принимаемыми решениями. Это содействие относится к процессу индивидуации в более узком смысле слова.

Но человек испытывает и нечто отсутствующее в нашей метафоре с сосной. Процесс индивидуации превосходит простое сопоставление врожденной целостности семени и внешних воздействий судьбы. Субъективный опыт дает человеку чувство того, что некая сверхличная сила активно и творчески вмешивается в этот процесс. Иногда мы ощущаем, что бессознательное ведет нас в соответствии с тайным промыслом. Так, словно нечто

смотрит на меня — нечто мною невидимое. Быть может, это — Великий Человек в моем сердце, который высказывает свои мнения обо мне посредством сновидений.

Но эта творчески действенная сторона психического ядра личности вступает в игру лишь там, где эго избавляется от всех своих намерений и целей, пытается достичь более глубокого уровня, более фундаментальной формы существования. Это должно уметь внимательно вслушиваться и отдавать самого себя, не навязывая никаких планов или целей идущему изнутри росту. Многие философы-экзистенциалисты стремились описать это состояние, но они доходили только до разоблачений иллюзий сознания. Они подходят к дверям бессознательного, но не могут в них войти. Люди, живущие в более надежно укорененных культурах, нежели наша собственная, не знают таких трудностей в понимании необходимости отказа от утилитарной установки сознательного планирования. Этот отказ открывает путь к внутреннему росту личности. Однажды я встретила пожилую даму, которая немногого достигла в своей жизни, если брать внешние достижения. Но у нее был счастливый брак с нелегким по характеру мужем, и она сумела развиваться как зрелая личность. Когда она пожаловалась мне на то, что "ничего не сделала" в своей жизни, я рассказала ей историю, приводимую китайским мудрецом Чжуан-цзы. Она сразу ее поняла и почувствовала огромное облегчение. Вот эта история:

"Плотник Кремень направлялся в Ци и на повороте дороги у алтаря Земли увидел Дуб в сотню обхватов, такой огромный, что за ним мог бы укрыться целый бык, высотой же — с гору. В восьмидесяти локтях над землей возвышалась его крона с десятком таких толстых ветвей, что каждой хватало бы на лодку. Зеваки толпились, точно на ярмарке, А плотник, не останавливаясь и не оборачиваясь, прошел мимо дерева.

Ученики, вдоволь насмотревшись на Дуб, догнали плотника и спросили:

Почему вы, Преждерожденный, прошли мимо, не останавливаясь, и не захотели даже взглянуть? Нам еще не приходилось видеть такого прекрасного материала с тех пор, как мы с топором и секирой последовали за вами, учитель.

— Довольно! Замолчите! — ответил им плотник. — От него нет проку. Лодка, сделанная из него, — потонет, гроб или саркофаг — быстро сгниют, посуда — расколется. Сделаешь ворота или двери — из них будет сочиться сок, колонну — ее источат черви. Это дерево не строевое, ни на что не годное, оттого и живет долго.

Когда плотник Кремень вернулся домой, во сне ему привиделся Дуб у алтаря.

С какими деревьями ты хочешь меня сравнить? — спросил Дуб. — С теми, что идут на украшение? Или с плодоносящими? Вот боярышник и груша, апельсиновое дерево и памела. Как только плоды созреют, их обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают. Из-за того что полезны, они страдают всю жизнь и гибнут преждевременно, не прожив отведенного природой срока. Это происходит со всеми с тех пор, как появился обычай сбивать плоды. Вот почему я давно уже стремился стать бесполезным, чуть не погиб, но теперь добился своего —

и это принесло мне огромную пользу. Разве вырос бы я таким высоким, если бы мог для чего-нибудь пригодиться? К тому же мы оба: и ты, и я — вещи. Разве может одна вещь судить о другой? Не тебе, смертному, бесполезному человеку, понять бесполезное дерево!

Очнувшись, плотник Кремень стал толковать свой сон, а ученики спросили:

— Если Дуб не стремился приносить пользы, почему же он вырос у алтаря?

— Не болтайте! Замолчите! — ответил плотник. — Он вырос там за тем, чтобы невежды его не оскорбляли. Разве не срубили бы его, не будь здесь алтаря Земли? И все же он живет так долго по другой причине, чем все остальные. Не отделимся ли мы от истины, меряя его обычной мерой?"

Плотник понял приснившийся ему сон: величайшим человеческим достижением является простое исполнение своей судьбы — все утилитарные представления отступают перед лицом требований нашей бессознательной души. Если перевести эту метафору на психологический язык, то дерево символизирует процесс индивидуации, дающий урок нашему близорукому эго.

Алтарь Земли под сенью дерева (на китайской картине 19-го столетия). Подобные сооружения, имеющие круглую или квадратную форму, обычно являются символом Самости, которой эго должно подчиниться, чтобы осуществить процесс индивидуации.

Под деревом, которое исполнило свою судьбу в рассказе Чжуан-цзы находится алтарь Земли. Это — грубый, необработанный камень, на котором народ приносит жертвы местному божеству, "владеющему" этой частью земли. Символ алтаря Земли указывает на то, что для осуществления процесса индивидуации нужно сознательно отдать власть бессознательному, перестать мыслить в терминах долженствования (что в общем виде мыслится как правильное или обычно происходящее). Нужно просто прислушаться, чтобы узнать, чего хочет внутренняя целостность — Самость — по поводу действий, совершаемых здесь и теперь, в данной конкретной ситуации.

По своей установке мы должны уподобиться упомянутой выше горной сосне: она не расстраивается, когда ее росту мешает камень, она не строит планов относительно того, как преодолеть это препятствие. Она просто старается ощутить, следует ли ей расти вправо или влево, вверх по склону или чуть в сторону. Подобно дереву, мы должны предаться этому почти незаметному, но одновременно властно господствующему влечению — импульсу, который приходит от стремления к уникальной и творческой самореализации. В этом процессе каждый должен непрестанно искать и находить нечто еще никому неизвестное. Направляющие намеки или импульсы идут не от эго, но от целостной психики, от Самости.

Более того, бесполезно высматривать, как развиваются другие, поскольку каждый из нас имеет уникальную задачу самореализации. Хотя многие человеческие проблемы схожи друг с другом, они никогда не тождественны. Все сосны похожи (иначе мы не признавали бы их именно соснами), но ни одна из них не равна другой. В силу этих тождества и различия трудно привести к общему знаменателю бесконечные вариации процесса индивидуации. Фактом является то, что каждая личность должна делать что-то особенное, что-то совершенно неповторимое. *

* Вопросы, связанные с процессом индивидуации, см. К.Г.Юнг. Конфликты детской души. М.: Канон. 1995. с. 185-208, статья "О становлении личности".

Многие критиковали юнгианский подход за отсутствие систематизации психического материала. Но эти критики забывают о том, что материал здесь представляет собой эмоционально заряженный живой опыт, являющийся по своей природе иррациональным и переменчивым, доступным лишь самой поверхностной систематизации. Современная глубинная психология достигла здесь тех же пределов, что и микрофизика. Иначе говоря, пока мы имеем дело со среднестатистическими величинами, возможно рациональное и систематическое описание фактов. Но если мы пытаемся описать единичное психическое

событие, то в лучшем случае можем честно дать его картину под возможно большим числом углов зрения. Точно так же ученые-физики должны признаваться в своем незнании относительно природы света. Они, конечно, могут сказать, что в определенных экспериментальных условиях он кажется состоящим из частиц, тогда как в других условиях он представляется состоящим из волн. Неизвестно, каков он "сам по себе". Психология бессознательного и любое описание процесса ин-дивидуации сталкивается со сходной проблемой в своих определениях. Но я попытаюсь дать здесь набросок некоторых наиболее типичных черт этого процесса.

Первый подход к бессознательному

Для большинства людей юные годы характеризуются состоянием постепенного пробуждения, когда индивид медленно приходит к осознанию мира и себя самого. Детство является периодом огромной эмоциональной интенсивности, а самые ранние детские сны нередко выявляют в символической форме базисную структуру психики, указывая на то, как эта структура впоследствии станет формировать судьбу данного индивида. Юнг однажды привел группе учеников пример молодой женщины, которую преследовал страх того, что она покончит с собой в возрасте 26 лет. В бытность маленькой девочкой, ей приснился сон, будто к ней в комнату, когда она лежала в кровати, зашел "Дед Мороз" и ущипнул ее за живот. Она проснулась и обнаружила, что сильно ущипнула себя сама своей собственной рукой. Сновидение ее не испугало, оно ей просто запомнилось. Но тот факт, что она не ответила эмоциональной реакцией на встречу с ледяным демоном — оледеневшей жизнью — был сам по себе чем-то ненормальным и не предвещал благополучного будущего. Позже она положила конец своей жизни холодной и бесчувственной рукой. Из одного такого сновидения можно вывести трагическую судьбу сновидца, которая уже предощущалась ее душой в детстве.

Иногда не сновидение, а какое-нибудь весьма впечатляющее и незабываемое реальное событие, вроде прорицания, в символической форме предрекает будущее. Хорошо известно, что дети часто забывают события, которые кажутся важными для взрослых, но сохраняют живую память о каком-то происшествии или истории, оставшихся не замеченными для окружающих. Если присмотреться к этим детским воспоминаниям, то можно обнаружить в них выражение базисной проблемы психической жизни ребенка (если интерпретировать эти воспоминания символически).

Когда ребенок достигает школьного возраста, начинается фаза формирования эго и приспособления к внешнему миру. Эта фаза обычно сопровождается известным числом болезненных потрясений. В то же самое время некоторые дети начинают чувствовать свое отличие от других, и это чувство собственной уникальности влечет за собой некую печаль, которая является составной частью одиночества многих подростков. Несовершенство мира, зло и вонне и внутри себя самого, становятся осознаваемыми проблемами; ребенок должен считаться с настоятельными (пусть еще непонятными) внутренними импульсами, равно как и с требованиями внешнего мира.

Если нормальному развитию сознания что-то мешает, то дети часто убегают от внешних или внутренних трудностей во внутреннюю "крепость". Когда это происходит, их сновидения и символические выражения бессознательного материала нередко самым ярким образом указывают на "круговой", "четырёхугольный" или "центральной" мотив (к нему я вернусь чуть позже). Речь идет об упомянутом выше ядре психики, жизненном центре личности, из которого проистекает все структурное развитие сознания. Естественно, что этот образ центра проявляется с особой силой, когда психическая жизнь индивида находится под угрозой. Из этого центрального ядра (насколько это нам известно на сегодняшний день) направляется весь процесс формирования эго, являющегося дубликатом или структурным двойником изначального центра.

На этой ранней фазе встречается много детей, которые честно стремятся к какому-то смыслу жизни, каковой мог бы помочь им в преодолении хаоса как внутри, так и вонне. Есть и другие, которые продолжают бессознательно следовать за динамикой унаследованных и инстинктивных архетипических образов. Эти подростки не беспокоятся о более глубоком смысле жизни, поскольку опыт любви, природы, спорта и труда содержит непосредственный и удовлетворительный для них смысл. Они не обязательно являются поверхностными; обычно поток жизни несет их с меньшими трудностями и трениями, чем у более интроспективных одонок. Если я путешествую в автомобиле или поезде, не глядя в окно, то о моем движении я отдаю себе отчет только по остановкам или резким поворотам.

Действительный процесс индивидуации — процесс, в котором происходит встреча сознания с собственным внутренним центром (психическим ядром) или с самостью — как правило, начинается с того, что личность была чем-то болезненно задета. Этот первоначальный опыт служит своего рода "звонком", хотя он и не осознается как таковой. Напротив, эго чувствует, что его воле или желанию что-то препятствует; эта преграда обычно проецируется на нечто внешнее. Иными словами, эго винит Бога, экономическую ситуацию, шефа или партнера по браку, возлагая на них ответственность за трудности.

Гравюра из алхимической рукописи 17-го столетия изображает заболевшего короля — общераспространенный символический образ пустоты и скуки (в сознании), которые могут служить знаком начальной стадии процесса индивидуации.

Либо все внешне кажется в порядке, но за этой видимостью личность страдает от смертельной скуки, делающей все бессмысленным и пустым. Многие мифы и сказки символически описывают эту начальную стадию процесса индивидуации в рассказе о короле, который заболел или состарился. Другие известные сказки говорят о бесплодии королевской четы; либо о том, что чудовище крадет всех женщин, детей, лошадей или сокровища царства; либо о том, что демон не дает королевской армии или кораблю следовать своим путем; либо о тьме, нависшей над землями, о высохших колодцах, потопе, засухе, морозе, охвативших страну. Кажется, будто первая встреча с Самостью отбрасывает вперед темную тень — словно "друг внутри" поначалу приходит как разбойник, чтобы заполучить беспомощно бьющееся эго.

В мифах обнаруживается, что магия или талисман, способные исцелить короля или страну, обладают некими совершенно особыми свойствами. В одних сказках для восстановления здоровья короля требуется "белая ворона" или "рыба с золотым кольцом в жабрах". В других королю нужна "живая вода", или "три золотых волоса с головы черта", или "златая коса" (а затем, конечно, и ее владелица). Как бы то ни было, способная изгнать зло вещь всегда является уникальной и трудно достижимой.

То же самое обнаруживается в момент начального кризиса в жизни индивида. Тут ищут чего-то невозможного, ищут сами не знают чего. В такие моменты все благие и разумные советы оказываются бесполезными — все эти советы быть ответственным, немного отдохнуть, не перенапрягаться (или, наоборот, побольше работать), иметь больше (или меньше) контактов с другими людьми. Все это ничуть не помогает, или, скажем, помогает крайне редко. Действенностью обладает лишь одно: прямо обратиться надвигающейся тьме, совершенно наивно и без задних мыслей, попытаться обнаружить тайную цель этой тьмы, чего она от нас хочет.

Скрытая цель охватывающей тьмы чаще всего столь необычна, уникальна и неожиданна, что, как правило, раскрыть ее можно только посредством сновидений и фантазий, поднимающихся из бессознательного. Если внимание концентрируется на бессознательном без скоропалительных выводов или эмоционального отрицания, то часто из него приходит поток приносящих помощь символических образов. Иногда они

поначалу предстают в виде серии болезненных признаний в том, что в установках нашего сознания, в нас самих что-то не так. А затем начинается процесс, по ходу которого приходится проглотить немалое число горьких истин.

Осознание тени

Приходит ли поначалу бессознательное как помощник или, наоборот, в негативной форме, через какое-то время у человека возникает потребность в лучшем приспособлении установки сознания к бессознательным факторам, чтобы принять то, что кажется "критикой" со стороны бессознательного. Через сновидения мы знакомимся с теми сторонами собственной личности, к которым по тем или иным причинам предпочитаем не приглядываться. Юнг назвал это "осознанием тени" (Он использовал термин "тень" для этой части бессознательной личности, поскольку она часто заявляет о себе в сновидениях в олицетворенном виде). *

*Обсуждение понятия тени см. К.Г.Юнг. Современность и будущее. См. так же в: Психология политики. СПб., 1996.

Тень не является целым бессознательной личности. Она представляет неизвестные или малоизвестные атрибуты и качества эго - те аспекты, которые, по большей части, принадлежат личностной сфере и вполне могут быть сознательными. В некоторых своих аспектах тень включает в себя коллективные факторы, которые проистекают из источников, лежащих за пределами личной жизни индивида.

Когда индивид пытается увидеть свою тень, он отдает себе отчет (нередко, к своему стыду) о тех качествах и стремлениях, которые он отрицает у самого себя, но с легкостью замечает у других: эгоизм, умственную лень, небрежность; далекие от реальности фантазии, схемы, планы; легкомыслие и коварство; беспредельную любовь к деньгам и собственности — короче говоря, все те грешки, о которых он ранее говорил самому себе: "Это не так уж важно, никто их не заметит, да и прочие не лучше".

Если вас охватывает безудержный гнев, когда друг указывает на какую-то вашу ошибку, то вы можете быть уверены, что в этот момент о себе заявляет часть вашей тени, которая вами не осознается. Конечно же, раздражает, когда другие, которые "не лучше", критикуют вас за ошибки вашей тени. Но что сказать о собственных сновидениях, о том судье внутри нас, который бросает нам упрек? В этот момент эго как бы попало в сети, результатом чего нередко является изумленное молчание. После этого начинается болезненная и длительная работа переобучения — работа, которая, можно сказать, является психологическим эквивалентом трудам Геракла. Как мы помним, первым его подвигом было очищение Авгиевых конюшен, которые десятилетиями загаживались многими сотнями коров. Задача казалась настолько непомерной, что обычный смертный испугался бы одной такой мысли.

Тень состоит не из одних упущений такого рода. Столь же часто она заявляет о себе в импульсивных и неосторожных действиях. Вы еще не успели подумать, а злобное замечание уже у вас на языке, положено начало интриге, совершен неверный шаг, а потом вы сталкиваетесь с результатами, которые не входили в ваши сознательные намерения и которых вы совсем не желали. Более того, тень значительно более подвержена коллективным инфекциям, чем сознательная личность. Например, пока человек в одиночестве, то все вроде бы в порядке, но стоит "другим" начать что-то "первобытное" или "темное", и он уже опасается, что если он к ним не присоединится, то его станут считать дураком. А потому он отдается во власть влечений, которые ему в общем-то чужды. Мы чаще всего натываемся на собственную тень и на тень других людей, имея дело с лицами одного с нами пола. Хотя нам видна тень лица противоположного пола, она обычно нас не слишком задевает, мы с легкостью ему прощаем.

В сновидениях и мифах тень выступает поэтому как лицо одного с нами пола. Примером может служить следующий сон. Он снился мужчине 48 лет, который стремился жить обособленно в сам для себя, предаваясь тяжелой работе, дисциплине, подавляя желания и спонтанные реакции в куда большем объеме, чем это отвечало его натуре.

"Я был владельцем огромного городского дома, хотя и не знал многих его апартаментов. Поэтому я решил пройтись по дому и обнаружил, в первую очередь в подвальном этаже, несколько комнат, о которых я ничего не знал. Там были даже переходы в другие подвалы и выходы на подземные улицы. Я встревожился, когда нашел, что многие из дверей не закрывались, а на

некоторых вообще не было запоров. Более того, по соседству что-то делали несколько рабочих, которые легко могли проникнуть ко мне в дом...

Когда я вернулся на первый этаж, я прошел через задний двор и опять-таки обнаружил несколько выходов на улицу или в другие дома. Когда я стал изучать их повнимательнее, из одного из них вышел мужчина. Он громко смеялся и кричал, что мы с ним старые друзья по начальной школе. Я его тоже помнил, и пока он мне рассказывал о своей жизни, я подошел вместе с ним к выходу, а затем мы пошли по улице.

Пока мы шли по огромной круговой улице, в воздухе как-то странно перемешивались свет и тень. Мы подошли к зеленому скверу, где неожиданно мимо нас проскакали галопом три лошади. Это были великолепные сильные животные, дикие, но в то же самое время хорошо ухоженные, без всадников. (Не убежали ли они с военной службы?)"

Лабиринт странных переходов, палат и не запертых выходов из подвала напоминают древнеегипетские представления о преисподней — это хорошо известный символ бессознательного с его неведомыми возможностями. Он показывает также, насколько мы "открыты" другим влечениям с нашей бессознательно-теневой стороны, каким образом могут входить жуткие и чуждые элементы. Подвал является как бы основанием души индивида. На заднем дворе этого странного дома (представляющем еще недоступные восприятию психические пределы личности сновидца) неожиданно обнаруживается старый школьный приятель. Это лицо явно персонифицирует другой аспект самого сновидца — ту сторону, которая была частью его жизни в детстве, но которая была позабыта и утеряна. Часто случается, что детские качества (например, веселость, вспыльчивость, иногда доверчивость) затем исчезают, а человек не знает, как и куда они подевались. Именно такая утерянная черта сновидца возвращается теперь (с заднего двора) и пытается вновь с ним подружиться. Эта фигура, вероятно, обозначает оставленную им жизнерадостность, представляет его экстравертную теневую сторону.

Но тут мы узнаем, что сновидец ощущает "беспокойство" Как раз перед встречей с этим внешне безобидным старым другом. Когда он выходит с ним на улицу, то мимо проносятся лошади.

Сновидец думает, что они сбежали с военной службы (т.е. бежали от дисциплины сознания, которая до сих пор была характерна для его жизни). Лошади без всадников, и это показывает, что инстинктивные влечения могут выйти из-под контроля сознания. В этом старом приятеле, в лошадях вновь заявляют о себе все те позитивные силы, которых ему не доставало и в которых так нуждается сновидец.

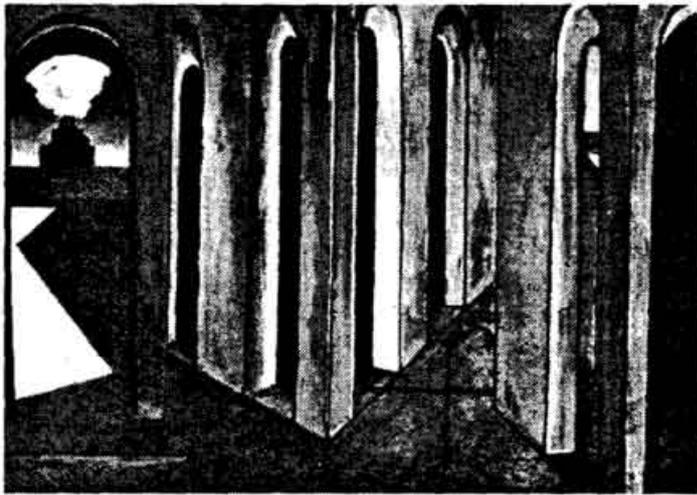
Эта проблема часто возникает при встрече с собственной "другой стороной". Тень обычно содержит ценности, в которых нуждается сознание, но которые существуют в такой форме, что их трудно интегрировать, включить в свою жизнь.

Переходы и огромный дом в сновидении также указывают на то, что сновидец еще не знает многих измерений своей собственной психики и еще не способен до них расширяться.

Тень с его сновидении типична для интроверта (человека, который склонен слишком удаляться от внешней жизни). В случае экстраверта, который куда более обращен к внешним объектам и к жизни вовне, тень будет выглядеть совсем иначе.

Молодой человек с очень живым темпераментом совершает одну деловую поездку за другой, а его сны в это же время настаивают на том, что он должен завершить начатую им творческую работу. Таково одно из его сновидений:

"Человек лежит на кушетке, натянув одеяло на голову и закрыв им свое лицо. Это — француз, отчаянная голова, он готов взяться за любое преступное дело. Меня ведет вниз по ступеням служащий, но я знаю, что против меня составлен заговор. Этот француз должен меня убить — как бы случайно (так это должно будет выглядеть со стороны). Когда мы подходим к выходу, он действительно подкрадывается ко мне сзади, но я наготове. Неожиданно к стене прислоняется высокий полный человек (видимо, богатый и влиятельный) — он плохо себя почувствовал. Я тут же пользуюсь возможностью и закалываю служащего, вонзив ему кинжал в сердце. Как комментарий откуда-то доносится: "Никто ничего не заметит, кроме того, что пролилось немного влаги". Теперь я в безопасности, поскольку француз нападать не станет, когда убит тот, кто отдавал ему этот приказ. (Возможно, служащий и богатый полный человек являются одним и тем лицом — одно и бы заменяет другое)".

Картина «Тревожное путешествие» современного итальянского художника де Кирико. И мрачные переходы, изображенные на картине, и само ее название хорошо передают характер первого контакта с бессознательным в начале процесса индивидуации. Символами бессознательного часто служат коридоры, переходы и лабиринты. Справа — планы трех лабиринтов. Сверху — вниз: финский лабиринт из камней (бронзовый век); английский лабиринт (19 век) и лабиринт, выложенный из плиток, на полу Шартрского собора (по нему можно было пройти от начала до конца, тем самым совершая символическое паломничество в Святую Землю).

Этот бандит-desperado представляет другую — интровертную — сторону сновидца, которая достигла состояния полной нужды. Он лежит на кушетке (т.е. пассивен) и прикрывает лицо, поскольку хочет, чтобы его оставили в одиночестве. С другой стороны, служащий и зажиточный полный человек (на деле одно и то же лицо) персонифицируют

внешние успехи и деятельную сторону сновидца. Неожиданное недомогание полного человека связано с тем, что сновидец действительно несколько раз заболел, когда позволял своей подвижной энергичности насильственно прорываться во внешнюю жизнь. Но у этого преуспевающего господина нет крови — лишь немного влаги — а это значит, что в амбициозной внешней деятельности сновидца не содержится подлинной жизни и страсти, но один лишь бескровный механизм. А потом нет большой потери от убийства полного человека. Под конец сновидения француз удовлетворен; он явно представляет позитивную теньевую фигуру, которая стала негативной и опасной лишь потому, что с нею не согласна сознательная установка сновидца.

Это сновидение показывает нам, что тень может содержать в себе множество различных элементов — например, бессознательное честолюбие (преуспевающий полный мужчина) и интроверсию (француз). Ассоциативная связь с французом обусловлена еще и тем, что французы считаются мастерами решать свои любовные дела. Тем самым две теньевые фигуры представляют два хорошо известных влечения: влечение к власти и половое влечение. Первое на какой-то момент раздваивается, предстает в облике и служащего, и преуспевающего человека. Служащий (или чиновник) олицетворяет коллективное приспособление, тогда как преуспевающий мужчина обозначает честолюбие. Во всяком случае, оба они служат властному влечению. Когда сновидцу удастся остановить опасную внутреннюю силу, француз перестает быть опасным. Другими словами, не менее опасная сторона сексуального влечения также капитулирует.

Очевидно, что проблема тени играет огромную роль во всех политических конфликтах. Если бы человек, которому снился этот сон не был чувствителен к проблемам своей тени, ему легко было бы идентифицировать отчаянного француза как воплощение "коммунистической опасности", а служащего вместе с преуспевающим господином отнести к "душителям-капиталистам". В таком случае он не заметил бы того, что война между началами происходит внутри него самого. Когда люди наблюдают собственные бессознательные тенденции у других, это называется "проекцией". Политическая агитация во всех странах столь же полна таких проекций, как и дворовые сплетни в малых группах или между индивидами. Всякого рода проекции затемняют видение наших ближних, подрывают его объективность, а тем самым и любую возможность подлинно человеческих отношений. *

*Природа проекции рассматривается в: КГ Юнг. Психологические типы. СПб., 1995.

К этому добавляется еще один недостаток проецирования тени. Если мы отождествляем нашу собственную тень, скажем, с коммунистами или капиталистами, часть нашей собственной личности оказывается по другую, противостоящую нам сторону. В результате мы постоянно (хоть и невольно) делаем то, что поддерживает за нашей спиной эту противную сторону, а тем самым бездумно помогаем нашему врагу. Если же мы, наоборот, осознаем проекцию и можем обсуждать дела без страха или враждебности способны чутко слушать другого, то у нас появляется шанс на взаимопонимание — или хотя бы на перемирие.

Станет ли тень нашим другом или врагом, в основном зависит от нас самих. Как показывают сновидения с незнакомым домом или отчаянным французом, тень не обязательно предстает а противник. В действительности, это такое же человеческое существо, с которым можно сосуществовать, то уступая ему, то оказывая сопротивление, то даже любя его — в зависимости от ситуации. Тень делается враждебной лишь там, где она игнорируется и не понимается.

Иногда, хотя и не так уж часто, индивид чувствует побуждение жить худшей частью своей натуры, подавляя лучшую. В этих случаях тень выступает в сновидениях как положительная фигура. Но для человека, естественно живущего своими эмоциями и чувствами, тень может являться как холодный и все ниспровергающий интеллект; тогда она персонифицирует ядовитые суждения и негативные мысли, которые были ранее вытеснены. Итак, какую бы форму ни обретала тень, ее функция заключается в том, чтобы представить обратную сторону эго, воплотить те качества которые мы чаще всего недолюбливаем у других людей.

«Вот уже более пяти лет этот человек подобно сумасшедшему рыщет по Европе в поисках где бы что-нибудь еще поджечь. К несчастью, ему снова и снова удается находить продажных правителей, готовых отворить двери своей страны этому международному поджигателю». Вместо того, чтобы взглянуть в лицо своим недостаткам, открывающимся нам с помощью тени, мы проецируем их на других — например, на наших политических противников. Слева — на плакате, изготовленном для парада в коммунистическом Китае, Америка предстает в виде злой змеи (покрытой нацистскими свастиками), которую уничтожает китайская рука. Вверху — Гитлер произносит речь; приведенная цитата — это характеристика, даваемая им Черчиллю.

Ситуация была бы много легче, если бы мы могли интегрировать тень в сознательную личность просто стремлением быть честными с самим собой и с помощью собственного ума. К сожалению, такого рода попытки не всегда удачны. Наша теневая сторона может обладать столь ощутимой силой, что разум может перед нею не устоять. Иногда помогает горький внешний опыт: чтобы остановить влечения и побуждения тени, нам должен, так сказать, свалиться на голову кирпич. Временами эти влечения останавливает героическое решение, но такие сверхчеловеческие усилия обычно возможны только там, где индивиду помогает внутренняя Великий Человек (Самость).

Сам факт содержания в тени переполняющей силы непреодолимых импульсов не означает того, что это влечение всегда должно героически подавляться. Иногда тень сильна лишь потому, что том же самом направлении действует требование Самости, а потому трудно понять, стоит ли за внутренним давлением тень или Самость. В бессознательном мы, к сожалению, сталкиваемся с теми же затруднениями, как при разглядывании лунного пейзажа. Все детали переплетаются и наплывают друг на друга, и мы никогда с точностью не скажем, где начало одного и конец другого. (Это известно как "контаминация" бессознательных содержаний).

Когда Юнг назвал одну из сторон бессознательной личности Тенью, он имел в виду сравнительно четко различаемый фактор. Но иногда все неведомое эго смешивается с тенью, включая даже самые ценные высшие силы. Кто, например, может быть вполне уверен в том, что француз в приведенном сновидении был не заурядным бандитом, а интровертом, наделенным достаточным смыслом? Либо скачущие лошади предыдущего сна: следует выпускать их на волю или нет? Там, где сон сам по себе ничего не проясняет, решение должна принимать сознательная личность.

Если теневая фигура содержит ценные жизненные силы, их нужно не подавлять, но вводить в актуальный опыт. Эго должно оставить гордыню и самодовольство, должно пережить нечто, кажущееся темным, но обязательно таковым являющееся. Это может потребовать жертвы — столь же героической, как победа над страстями, но в противоположном смысле.

Этические затруднения, возникающие при встрече с собственной тенью, хорошо описаны в 18-й книге Корана. Здесь Моисей встречается в пустыне Кхидра ("зеленого" или "первого ангела Бога"). Они странствуют вместе, и Кхидр выражает опасение, что Моисей не сумеет быть свидетелем его деяний без негодования. Если Моисей не сможет справиться со своим возмущением и довериться Кхидру, тот должен будет покинуть Моисея.

И вот, Кхидр переворачивает лодку бедных рыбаков, затем, на глазах Моисея убивает прекрасного юношу и, наконец, восстанавливает стену города неверных. Моисей не может удержаться от негодования, и Кхидр должен его покинуть. Но перед своим уходом он объясняет причины своих действий. Переворачивая лодку, он на самом деле спасал ее для владельцев, поскольку пираты уже готовились ее украсть, а так рыбаки смогут ее поднять. Прекрасный юноша вот-вот должен был совершить преступление, и, убивая его, Кхидр спас благочестивых родителей юноши от бесчестия. Восстановив стену, он спас от разорения двух верных молодых людей, поскольку их сокровища были завалены ее обломками. Моисей, который отдался моральному возмущению, теперь увидел (только слишком поздно), что его суждения были поспешными. Деяния Кхидра казались целиком дурными, но на деле таковыми не были.

Наивный взгляд на эту историю может привести к такому истолкованию: Кхидр — это не ведающая закона, капризная, злая тень благочестивого и законопослушного Моисея. Но это не так. Кхидр выступает, скорее, как олицетворение неких тайных творческих деяний Божества. (Сходное значение имеет знаменитый индийский рассказ "Царь и труп" в интерпретации Генри Циммера). Не случайно я не привожу здесь сновидений для иллюстрации этой тонкой проблемы. Я выбрала этот хорошо известный рассказ из Корана, поскольку он подводит итог опыту целой жизни, а он очень редко столь ясно выражается одним сновидением.

Когда в наших снах возникают темные фигуры и, кажется, чего-то от нас хотят, мы не можем быть уверены в том, кого они персонифицируют: просто темную часть нас самих, или Самость, или и то, и другое одновременно. Заранее невозможно предугадать, символизирует ли этот темный партнер наш недостаток, который следует преодолеть, или осмысленную частицу жизни, и таковую следует принять — это одна из самых трудных проблем, с которыми мы встречаемся на пути к индивидуации. Более того, символы сновидений настолько утонченны и сложны, что никто не может быть уверен в их интерпретации. В подобной ситуации все, что мы можем сделать — это принять неудобство этического сомнения: без окончательных решений или выбора. Нам следует продолжать наблюдения за сновидениями. Это напоминает положение Золушки, перед которой ее мачеха вывалила гору проса и гороха и велела их рассортировать. Хотя дело кажется совершенно безнадежным, Золушка начинает терпеливо разбирать эту и гору, и неожиданно мыши (в некоторых версиях — голуби, муравьи) приходят к ней на помощь. Эти создания символизируют способные нам помочь бессознательные побуждения. Их не по чувствуешь иначе, как собственным телом, они как бы указывают нам путь из затруднительной ситуации.

Где-то в самых основаниях нашей сути мы обычно знаем, что им делать, а чего не делать. Но иногда тот клоун, коего мы называем "Я", ведет себя таким отвлекающим образом, что мы не замечаем внутреннего голоса.

Иной раз все попытки понять намеки бессознательного неудачны; тогда, столкнувшись с трудностями, приходится просто набраться мужества и делать то, что кажется нам правильным, не утрачивая готовности поменять курс, если подсказки бессознательного неожиданно откроют нам другое направление. Может мучиться и так (хотя это бывает редко), что индивиду лучше сопротивляться требованиям бессознательного, даже ценой мучений — лучше уж пусть будут они, чем знание того, что ты теряешь человеческий облик. (Такова ситуация человека, которому приходится изживать свои преступные наклонности, чтобы стать самим собой).

Сила и внутренняя ясность, которые требуются эго для принятия такого решения тайно приходят от Великого Человека. Явно он себя не показывает. Быть может, Самость желает того, чтобы эго самостоятельно и свободно принимало решения; либо самость шагает на человеческое сознание и его выбор, через которые она может проявить себя. Когда дело доходит до столь трудных этических проблем, никто не может верно судить о деяниях других. Каждый должен разглядеть свою собственную проблему и постараться определить, что для него будет правильным. Как сказал один древний наставник дзэн: мы должны следовать примеру пастуха, смотрящего на своего быка глазами посоха, "чтобы тот не забрел на чужой луг".

Эти новые открытия глубинной психологии отчасти могут изменить наши коллективные этические воззрения, поскольку они побуждают нас судить о всех людских действиях

более индивидуальным, да и более тонким образом. Открытие бессознательного является одним из самых плодотворных открытий последнего времени. Но признание реальности бессознательного подразумевает честное исследование самого себя, реорганизацию собственных жизненных целей, а многие люди ведут себя после этого так, словно ничего не случилось. Чтобы всерьез принять бессознательное и взяться за поставленные им проблемы, требуется немалое мужество. Большинство людей слишком ленивы для того, чтобы осмысливать даже те моральные стороны своего поведения, которые ими осознаются; они тем более избегают рассмотрения того, как на них воздействует бессознательное.

Анима: женщина внутри

Сложные и тонкие этические проблемы не обязательно приходят вместе с появлением тени. Часто возникает другая "внутренняя фигура". Если сны видит мужчина, он обнаруживает женскую персонификацию своего бессознательного; в случае женщины это будет мужская фигура. Нередко эта вторая символическая фигура появляется вслед за тенью, принося тем самым новые и несколько иные проблемы. Юнг назвал эти мужскую и женскую формы соответственно "анимус" и "анима".

Хорошим примером того, каков опыт анимы в качестве внутренней фигуры в мужской психике, являются шаманы у эскимосов и других арктических племен. Иные из них даже носят женскую одежду или изображают женскую грудь на верхней одежде, заявляя о своей внутренней женственности — эта их сторона позволяет им вступать в контакт со "страной духов" (т.е. тем, что мы называем бессознательным).

Один описанный в литературе случай показывает нам юношу, который проходил инициацию у старого шамана, зарывшего юношу в снежную яму. Он впадает в сонливое состояние, чувствует себя опустошенным. В этом коматозном состоянии юноша неожиданно видит светящуюся женщину. Она обучает его всему тому, в чем он нуждается, а потом, как его дух-хранитель, помогает в практике его нелегкой профессии, связывая его с потусторонними силами. Этот опыт указывает на аниму как на олицетворение мужского бессознательного.

В индивидуальных своих проявлениях характер анимы у мужчин, как правило, формируется его матерью. Если он ощущает, что мать оказывает на него отрицательное влияние, то его анима часто будет проявлять себя в раздражительности, подавленности, неуверенности, обидчивости, в чувстве небезопасности. (Правда, если он способен преодолеть эти негативные моменты, они могут усиливать его мужественность). В душе такого мужчины негативная фигура матери-анимы будет без конца твердить одно и то же: "Я — ничтожество. Ничто не имеет никакого смысла. У других все иначе, а вот у меня... Меня ничто не радует". Эти "настроения анимы" вызывают своего рода отупение, страх болезни, бессилия, роковой случайности. Вся жизнь приобретает мрачный и подавляющий вид. Такие темные настроения могут даже подталкивать мужчину к самоубийству — тогда анима становится демоном смерти. В этой роли она выступает в фильме "Орфей" Кокто.

Французы называют такую фигуру анимы *femme fatale*. (Более мягкая версия этой темной анимы олицетворена Королевой Ночи в "Волшебной флейте" Моцарта). Греческие сирены или немецкие лорелеи также персонифицируют этот опасный аспект анимы, символизируя в этой форме разрушительную иллюзию. Следующая сибирская сказка иллюстрирует поведение подобной разрушительной анимы:

Однажды одинокий охотник увидел прекрасную женщину, выступившую из темного леса по другую сторону реки. Она помахала ему рукой и запела:

*Одинокий охотник в сумеречной тишине
Приди ко мне! Мне тебя не хватает!
Я обниму тебя, теперь же обниму!
Приди, приди, мой очаг рядом.
Приди, одинокий охотник, сейчас, в сумеречной тишине.*

Он сбросил с себя одежды и поплыл через реку, но неожиданно она обратилась со мной и улетела, злобно над ним насмехаясь. Он попытался поплыть обратно к своей одежде, но утонул в холодной реке.

В этой сказке анима символизирует принятие желаемого за действительное, нереальную мечту о любви, счастье, материнском тепле (ее очаг) — такой сон уводит мужчину от реальности. Охотник утонул, так как погнался за неосуществимой фантазией.

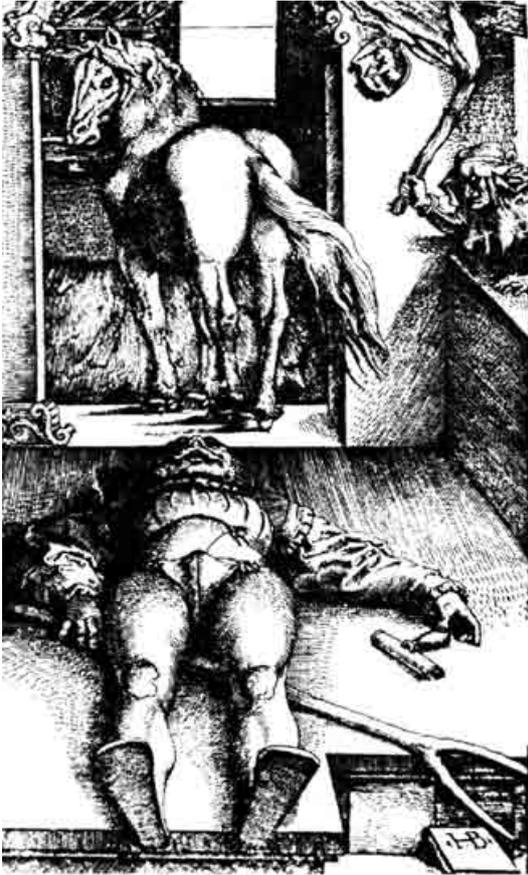

Анима (женский элемент в мужской психике) часто персонифицируется в образах колдуньи или жрицы — женщин, имеющих связь с "силами тьмы" и "миром духов" (т. е. бессознательным). На воспроизводимой здесь гравюре 17-го века изображена колдунья, окруженная демонами и бесенятами

Негативная анима проявляется в мужской личности также в форме язвительных, ядовитых, уничижительных замечаний, которые все обесценивают. Замечания такого рода всегда содержат в себе частицу истины, но они утонченным образом деструктивны. По всему миру существуют легенды, в которых присутствует "ядовитая девица" (так она зовется на Востоке). Это прекрасное существо, скрывающее под платьем оружие или яд, которыми она убивает своего любовника в первую же ночь. В этом облике анима холодна и безжалостна, подобно иным жутким сторонам самой природы. В Европе до сего дня эти стороны находили свое выражение в вере в ведьм.

Если, с другой стороны, опыт собственной матери был положительным, это также придает аниме типичные черты, но уже совсем иные. В результате мужчина либо сам становится женски изнеженным, либо женщины на него молятся, а потому он не способен совладать с трудностями жизни. Анима такого рода делает мужчин сентиментальными, обидчивыми, как старые девы, чувствительными, как та принцесса из сказки, которая чувствовала горошину под 30 матрасами. Еще более тонкие проявления негативной анимы встречаются в некоторых сказках в виде принцессы, требующей от своих поклонников разгадать серию загадок или, например, суметь спрятаться у нее на глазах. Если они не дают ответа, либо если она их обнаружит, то они должны умереть, причем она неизменно выигрывает. Анима в этом облике увлекает мужчин в разрушительные интеллектуальные игры. Мы замечаем воздействие таких трюков анимы во всех тех невротических псевдоинтеллектуальных диалогах, которые препятствуют прямому соприкосновению с жизнью и реальными делами. Мужчина так много рассуждает о жизни, что уже не способен ее жить, теряет свою спонтанность, само чувство жизни.

Чаще всего анима выступает в форме эротической фантазии. Мужчины погружены в свои фантазии, когда они посещают порнографические фильмы или стриптиз, разглядывают соответствующие фотографии. Это — грубый, примитивный аспект анимы, который делается компульсивным лишь там, где мужчина недостаточно культивирует свои чувства в отношениях с другими — его чувственная установка к жизни осталась инфантильной.

Традиционное представление демонической анимы в виде безобразной ведьмы - немецкая гравюра 16 века под названием "Заколдованный конюх"

Параллель лорелеям из славянской мифологии — русалка. Полагали, что эти существа являются душами утонувших девушек, которые зачаровывают и топят встретившихся им мужчин.

Анима (подобно тени) имеет два аспекта — благожелательный и зловредный (или вообще отрицательный). Наверху — сцена из "Смерти Орфея", кинематографической версии мифа об Орфее, созданной Жаном Кокто: женщина здесь может быть понята в качестве смертоносной ани.мы — она стала виновницей смерти Орфея (которого несут принадлежащие "подземному миру" фигуры в черном).

Все эти стороны анимы наделены той же тенденцией, которую мы уже наблюдали в случае тени: они могут проецироваться. Притом так, что они могут делаться для мужчины чертами какой-то конкретной женщины. Именно анима вызывает внезапную влюбленность в первый раз увиденную женщину — мужчина сразу знает, что это "Она". Он словно всю жизнь уже был с ней знаком, он столь беспомощен в своей влюбленности, что для внешнего наблюдателя это выглядит как совершеннейшее безумие. Такие проекции анимы притягиваются прежде всего "чарующими" женщинами, поскольку мужчины могут придавать практически любые черты этому очаровательно-неопределенному созданию — вокруг нее как бы сами собой сплетаются фантазии.

Проекция анимы в форме такой внезапной и страстной любви может оказать самое неблагоприятное влияние на семейную жизнь мужчины. Скажем, это ведет к так называемому "любовному треугольнику" со всеми сопровождающими трудностями. Терпимое решение такой драмы можно отыскать только с опознанием анимы в качестве внутренней силы. Тайной целью бессознательного, вызывающего такие запутанные ситуации, является побуждение мужчины к развитию: он должен сам стать зрелым человеком, интегрировать большую часть своей бессознательной личности и привнести ее в свою действительную жизнь.

О негативной стороне анимы сказано достаточно — у нее имеется не меньше положительных сторон. Например, анима отвечает за способность мужчины правильно отыскать партнера по браку. Другая функция не менее важна: всякий раз, как логический разум мужчины не способен различать скрывающиеся в его бессознательном факты, ему на помощь приходит анима. Еще более жизненно важной будет роль анимы, когда она как бы настраивает ум мужчины на подлинные ценности, а тем самым открывает путь к истинным глубинам души. Словно некое внутреннее "радио" настраивается на какую-то волну, исключая отклонения и позволяя слышать голос Великого Человека. Помогая настроить это внутреннее "радио", анима принимает роль проводника, посредника во взаимоотношениях с внутренним миром и Самостью. В этом облике она выступала в приведенном выше примере с инициацией шамана; такова роль Беатриче в *Paradiso* Данте; сходную роль играет богиня Изида во сне Апулея, знаменитого автора "Золотого осла", когда она приводит его к более высокой и более духовной форме жизни.

Лорелеи германского мифа (изображены на рисунке 19-го века), водяные духи, увлекающие своим пением мужчин в смертельную бездну.

Сон 45-летнего психотерапевта может помочь нам прояснить то, как анима становится внутренним вожатым. Перед тем, как ему приснился этот сон, когда он вечером ложился спать, ему в голову пришла мысль, что трудно переносить жизнь в одиночку, не имея поддержки церкви. Он позавидовал людям, которых охраняет материнское око организации. (От рождения он был протестантом, но давно не придерживался никакого вероисповедания). Таков был его сон:

"Я нахожусь в приделе старинной церкви, заполненной людьми. Вместе со мной мои мать и жена, я сижу в самом конце придела, кажется, на приставной скамье.

Я должен служить обедню как священник, у меня в руках огромная книга, то ли молитвенник, то ли сборник песнопений. Эта книга мне незнакома, я не могу найти нужный текст. Я возбужден, так как служба вот-вот начнется; к этому добавляется раздражение из-за того, что мать и жена болтают о каких-то пустяках. Орган смолкает, все ждут меня, я решительно встаю и прошу одну из коленопреклоненных монахинь передать мне молитвенник и указать нужное место; она покорно это делает. Затем эта монахиня, наподобие диакона, идет впереди меня к алтарю, находящемуся где-то позади и налево, словно мы движемся к нему из бокового придела. Молитвенник напоминает огромный альбом, он три фута длиной и с фут шириной, а на крышке переплета какой-то текст с древними картинками, расположенными колоннами рядом друг с другом.

Пока я не начал, монахиня должна прочесть часть литургии, а я все не найду нужное место в тексте. Она мне сказала, что это №15, но нумерация нечеткая, я не могу найти. Тем не менее, я решительно

обращаюсь к пастве, я нашел этот пятнадцатый номер (предпоследний в книге), хотя я не уверен в том, что смогу разобрать написанное. И все же я стараюсь это сделать. Тут я просыпаюсь."

Этот сон символически отвечает из бессознательного на те размышления, которые были вечером. Бессознательное говорит ему: "Ты сам должен стать священником — в церкви твоей души". Этим сновидение показывает, что поддержка организации существует: сновидец пребывает в церкви, но не во внешней, а в той, что лежит в глубине его души.

Люди (все его собственные психические качества) желают, чтобы он исполнял функции священника и сам служил мессу. Сновидение имеет в виду не настоящую обедню, поскольку молитвенник сильно отличается от обычного. Кажется, идея мессы используется здесь как символ, а потому она означает акт жертвоприношения, в котором человек общается с Божеством. Такое символическое решение, конечно, не является общеупотребительным, оно соотносится именно с данным сновидением. Это типичное для протестанта решение, так как человек, связанный верою с католической церковью, обычно имеет опыт анимы в образе самой Церкви — ее священные образы являются для него символами бессознательного.

У нашего сновидца не было такого церковного опыта, а потому он должен следовать другим путем, ведущим вовнутрь. Сновидение говорит ему, что он должен делать. Оно говорит: "Твоя привязанность к матери и твоя экстраверсия (представленная его экстравертной женой) отвлекают тебя своей бессмысленной болтовней от внутренней обедни. Но если ты последуешь за монахиней (интровертная анима), то она поведет тебя — и как служителя, и как священника. У нее странный молитвенник, состоящий из 16 (4 раза по 4) древних картин. Твоя обедня заключается в созерцании тех психических образов, которые открывает тебе твоя религиозная анима". Иными словами, если сновидец преодолит свою внутреннюю неуверенность, вызванную его материнским комплексом, он обнаружит, что его жизненная задача по своей природе имеет свойство религиозной службы. Если он предастся созерцанию символического значения образов своей души, они поведут его к реализации этой задачи.

В этом сновидении анима выступает в своей позитивной роли, т.е. как посредник между эго и Самостью. Конфигурация картин (четыре-на-четыре) указывает на то, что служение внутренней обедни задано служением целостности. Как показал Юнг, ядро психики (Самость) чаще всего выражает себя в какой-либо четверичной структуре. Число четыре также связано с анимой, поскольку, как отмечал Юнг, имеются четыре ступени в ее развитии. Первая ступень лучше всего символизируется фигурой Евы, представляющей чисто инстинктивные и биологические отношения. Вторую ступень можно разглядеть в Елене в "Фаусте": она персонифицирует романтически-эстетический уровень, который по-прежнему характеризуется сексуальным началом. Третья ступень предстает, например, как Дева Мария — эта фигура поднимает любовь (эрос) до высот духовного посвящения. Четвертый тип символизируется Sapientia — мудростью, которая лежит за пределами даже самого святого и самого чистого. В "Песни песней" Соломона она выступает как Суламифь. (Эта ступень крайне редко достигается в душевном развитии современного человека. Мона Лиза ближе всего подходит к такой аниме-мудрости).

Здесь я только ссылаюсь на то, что в символическом материале определенного типа часто встречается образ четверицы. Важнейшие стороны этого образа будут рассмотрены ниже.

Но что практически означает эта роль анимы как проводника по внутреннему миру? Эта позитивная функция встречается у мужчины, когда он всерьез принимает свои чувства, настроения, ожидания и фантазии, посылаемые его анимой, когда он их в какой-то форме фиксирует — например, в литературе, живописи, скульптуре, музыке, танце. Когда он терпеливо и медленно над ними работает, из глубин его бессознательного поднимается новое содержание, соединяющееся с уже имевшимся. После того, как фантазия получила четкую специфическую форму, она должна исследоваться — как интеллектуально, так и этически — реакцией оценивающего чувства. Важно смотреть на нее как на нечто абсолютно реальное; не должно быть скрытых сомнений, будто речь идет "только о фантазии". Если такое исследование длится долгое время и практикуется всерьез, то процесс индивидуации постепенно становится единственной реальностью и может раскрыться в своих истинных формах.

Связь, существующая между мотивом четверицы и анимой хорошо видна на одной из картин швейцарского художника Петера Биркхойзену видению. Четыре глаза имеют символическое значение, аналогичное значению шестнадцати картин в сновидении. Они намекают на то, что анима несет в себе возможность достижения целостности.

В художественной форме есть много примеров анимы как проводника и посредника во внутреннем мире: Нурнеротомачиа Франческо Колонны, She Райдера Хаггарда, либо "вечное женственное" в "Фаусте" Гете. В средневековом мистическом тексте фигура анимы так изъясняет свою собственную природу:

"Я — полевой цветок и лилия равнин. Я — мать прекрасной любви, страха, познания и святой надежды... Я — посредник между началами, дабы они согласовались друг с другом; теплое я делаю холодным, и наоборот, сухое делаю влажным, и обратно, твердое делаю мягким... Я — закон для священника, слово у пророка, совет у мудрого. Я убиваю и я животворю, нет ничего, что могло бы избегнуть моей руки".

В Средние века происходила ощутимая духовная дифференциация в религиозных, поэтических и прочих областях культуры; фантастический мир бессознательного получал все большее признание. В этот период рыцарский культ дамы означал попытку дифференциации женской стороны мужской натуры — от внешнего женского и в связи с внутренним миром.

Дама, служению которой посвящал себя рыцарь, ради которой он совершал свои героические деяния, конечно, была олицетворением анимы. Имя носительницы Грааля — в той версии легенды, которая принадлежит Вольфраму фон Эшенбаху — особенно характерно: Conduir-amour ("проводник в делах любви"). Она учит героя различать свои чувства, оттенки в поведении по отношению к женщинам. Однако, впоследствии, это индивидуальное и личностное усилие развития отношений с анимой было оставлено, ее возвышенная сторона слилась с фигурой Девы, сделавшейся объектом безграничного поклонения и восхваления. Когда анима, как Дева, стала всеблагой, то ее негативные аспекты нашли свое выражение в вере в ведьм.

В Китае параллельной Деве фигурой является богиня Кван Инь. Еще более популярна в Китае фигура анимы, носящая имя "Дама Луны", которая наделяет поэтическим и музыкальным даром своих фаворитов и даже способна дать им бессмертие. В Индии тот же архетип представлен Шакти, Парвати, Рати и многими другими; среди мусульман это прежде всего Фатима, дочь Мухаммеда.

Поклонение аниме как официально признанной фигуре приносит серьезные недостатки, поскольку утрачивается ее индивидуальная сторона. Но если она наделена только личностным существованием, то есть опасность, что она будет проецироваться на внешний мир, где ее только и можно найти. Такое положение дел может привести к бесконечным затруднениям, ибо мужчина становится либо жертвой своих эротических фантазий, либо навязчиво зависимым от конкретной женщины.

Лишь болезненное (но, по сути, простое) решение — принимать свои фантазии и чувства всерьез — может на этой стадии предотвратить полную стагнацию внутреннего процесса индивидуации. Только таким образом мужчина открывает значение этой фигуры как внутренней реальности. Так анима вновь становится тем, чем она была с самого начала — "женщиной внутри", посылающей жизненно важные сообщения Самости.

Анимус: мужчина внутри

Мужская персонификация бессознательного женщины — анимус — наподобие анимы у мужчин, проявляет как хорошие, так и дурные стороны. Но анимус не так часто предстает в форме эротических фантазий или настроений; скорее, он приобретает форму сокровенного и "святого" убеждения. Когда такое убеждение говорит громким, настоятельным мужским голосом или навязывается окружающим с помощью диких эмоциональных сцен, то в этом легко узнается мужское начало женщины. Но даже у предельно женственной особы анимус может обладать твердой и непреодолимой силой. Неожиданно в женщине просыпается нечто упрямое, холодное и совершенно неприступное.

Одна из любимых тем, бесконечно повторяемых анимусом, звучит так: "Единственное, что во всем мире мне нужно — это любовь; а он меня не любит"; либо: "В этой ситуации есть лишь два возможных исхода — и оба они равно плохи". (Анимус никогда не верит в исключения из правил). Мнению анимуса редко можно противоречить, поскольку он в общем-то прав, только это мнение не всегда подходит к индивидуальной ситуации. Это разумное мнение, но бьющее мимо цели.

Подобно тому, как характер анимы у мужчины формируется его матерью, так и анимус в основном находится под влиянием отца женщины. Отец наделяет анимус своей дочери особой окраской не подлежащих обсуждению, безусловно "истинных" мнений — убеждений, которые никогда не предполагают личностной реальности самой женщины, как она есть.

Вот почему анимус, так же как и анима, иной раз предстает в качестве демона смерти. Например, в цыганской сказке незнакомец останавливается у одинокой женщины, хотя ей снится сон, предупреждающий о том, что это — царь мертвых. После того, как он побыл у нее какое-то время, она настаивает, чтобы он открыл, кто он такой на самом деле. Сначала он отказывается, говоря, что она умрет, если он расскажет. Тем не менее, она настаивает, и вдруг он открывает ей, что является самой смертью. Женщина тут же умирает со страху.

С мифологической точки зрения, прекрасный незнакомец, вероятно, представляет собой языческий образ отца или бога, выступающего как царь мертвых (как в истории похищения Персефоны Гадесом). Однако, психологически, он представляет собой особую форму анимуса, уводящего женщину от всех человеческих взаимоотношений и от всех контактов с действительными мужчинами. Он олицетворяет кокон мечтательных размышлений, желаний и суждений о том, "как должно было бы быть", которые отрывают женщину от жизненной реальности.

Негативный анимус проявляется не только как демон смерти. В мифах и сказках он играет роль разбойника и убийцы. Примером может служить Синяя Борода, который тайком убивает своих жен в скрытой от глаз комнате. В этой форме анимус персонифицирует все полусознательные, холодные, деструктивные размышления, которые посещают женщин в иные часы, в особенности, когда они не сумели реализовать свои чувства. Тогда женщина начинает думать о вещах вроде семейного долга, возникает целая сеть замыслов-вычислений, полных злобы и интриганства, доводящих ее до состояния, когда она даже желает другим смерти. ("Когда один из нас умрет, то я поеду на Ривьеру", — сказала одна дама своему мужу, когда увидела прекрасный средиземноморский берег. Эта мысль была сравнительно невинной лишь потому, что была высказана!).

Хитчклифф, зловецкий главный герой в романе английской писательницы Эмили Бронте «Холмы бурных ветров» (1847), до известной степени является воплощением негативного, демонического анимуса — по всей вероятности, манифестацией собственного анимуса Эмили Бронте. На воспроизводимом здесь монтаже Хитчклифф (роль которого в фильме 1939 года исполняет Лоуренс Оливье) как бы на очной ставке с Эмили (какой она на портрете, сделанном ее братом); на заднем плане — Холмы бурных ветров, снятые уже в наше время.

Вынашивая тайные разрушительные намерения, жена может довести своего мужа до болезни, катастрофы, даже до смерти. Или она может воспротивиться браку своих детей — глубоко укрытое зло, которое редко доходит до сознания матери. (Наивная старая женщина однажды сказала мне, показывая фотографию своего сына, утонувшего в 27 лет: "Лучше уж так, чтобы не отдавать его другой женщине").

Странная пассивность, паралич всех чувств или тайные опасения, доводящие до ощущения полного ничтожества, могут быть результатом бессознательных мнений анимуса. Он шепчет из глубин женского существа: "Ты безнадежна. Какой смысл стараться? Все равно ничего не выйдет. Жизнь к лучшему все равно не повернется".

К несчастью, когда любая из таких персонификаций бессознательного овладевает нашим умом, нам кажется, что мы сами наделены этими мыслями и чувствами. Это настолько отождествляет себя с ними, что оно не способно различать и видеть их такими, как они суть. Мы буквально "одержимы" фигурой из бессознательного. Только после того, как эта одержимость прошла, мы с ужасом осознаем, что же мы сказали или сделали — диаметрально противоположное тому, что было нашими действительными мыслями и чувствами. Мы стали добычей чуждого психического фактора.

Подобно аниме, анимус состоит не из одних отрицательных качеств, вроде жестокости, опрометчивости, пустой болтовни или тайных, упрямых, злобных мыслей. У него есть в высшей степени положительная и ценная сторона: он также образует мост к Самости посредством творческой активности. Это можно проиллюстрировать на примере сновидения 45-летней женщины:

"Две закутанные фигуры взбираются через балкон в дом. Они укрыты черными плащами с капюшонами, кажется, они пришли пытать меня и мою сестру. Она прячется под кровать, но они вытаскивают ее и начинают мучить. Затем приходит мой черед. Главный из них толкает меня к стене, производя магические жесты перед моим лицом. В это время его помощник что-то рисует на стене, и когда я вижу, что нарисовано, то произношу (для виду дружески): "Но это же прекрасно нарисовано". Неожиданно мой мучитель предстает с великолепной головой благородного художника, который с гордостью произносит: "Да, конечно" — и начинает протирать свои очки".

Садистский аспект этих двух фигур хорошо известен сновидице, так как она в действительности часто страдала от приступов тревожности, во время которых ее преследовала мысль о том, что любимые ею люди находятся в великой опасности — либо, что они уже мертвы. Но фигура анимуса во сне двоится, а это предполагает, что разбойники олицетворяют двойкой по своему воздействию фактор, что он может оказаться чем-то совсем другим, чем эти мучительные размышления. Ее сестра, пытающаяся убежать от двух мужчин, поймана и подверглась пыткам. В действительности, эта сестра умерла в юном возрасте. У нее был художественный дар, но она лишь в самой малой мере воспользовалась своим талантом. Затем в сновидении

обнаруживается, что закутанные разбойники на самом деле являются переодетыми художниками, и когда сновидица признает их таланты (т.е. свои собственные), они утрачивают все злые намерения.

Каково более глубокое значение сновидения? Оно заключается в том, что за приступами тревожности имеется действительная и смертельная опасность, хотя присутствует в сновидении и способность сновидицы к творчеству. Подобно ее сестре, она обладает талантом художника, но сомневается в том, может ли живопись стать для нее осмысленной деятельностью. Теперь сновидение самым честным образом сообщает ей, что она должна жить этим талантом. Если она послушается, то анимус-мучитель превратится в творческую и осмысленную деятельность.

Как и в этом сновидении, анимус часто предстает в виде группы мужчин. Тем самым бессознательно символизирует тот факт, что анимус представляет, скорее, коллективное, а не личностное начало. В силу этой коллективности женщины обычно (когда через них говорит анимус) ссылаются на "нас", на "них", на "всех" — их речь в таком случае часто содержит слова "всегда", "следует", "должно".

Множество мифов и сказок говорят о принце, колдовски обращенном в дикое животное или в чудовище, которого спасает девичья любовь. Символически это спасение означает способ осознания анимуса (Д-р Гендерсон разбирает значение этого мотива "Красавицы и зверя" в предшествующей главе). Чаще всего героине не дозволяется задавать вопросов о своем таинственном и непонятном любовнике и муже; либо она встречается с ним только в темноте и не должна на него смотреть. Предполагается, что полное доверие и слепая любовь способны спасти ее жениха. Но это никогда не приводит к успеху. Она всегда нарушает свое обещание, а потом вновь находит любимого, но лишь после долгих страданий и трудных поисков.

В жизни параллелью этому сказочному мотиву является то, что осознание анимуса у женщины занимает много времени и включает в себя немалые страдания. Но если она понимает, кем и чем является ее анимус и что он ей несет, если она становится лицом к лицу с этой реальностью, вместо того, чтобы допускать "одержимость" ею, то ее анимус может стать бесценным внутренним спутником, наделяющим ее мужскими качествами — инициативой, смелостью, объективностью и духовной мудростью.

Как и анима, анимус имеет четыре ступени развития. Сначала он выступает как олицетворение простой физической силы, например, как атлет-чемпион или "силач". На следующей стадии он обладает инициативой, способностью к целенаправленным действиям. На третьей анимус становится "словом", предстает как профессор или священник. Наконец, на четвертой ступени он оказывается воплощением смысла. На этом высшем уровне он становится (как и анима) посредником религиозного опыта, через который жизнь обретает новое значение. Он дает женщине духовную твердость, невидимую внутреннюю крепость, компенсирующую ее внешнюю мягкость. Анимус в своей наиболее развитой форме иногда сочетается с духовным ростом женщины, а потому она делается более восприимчивой, чем мужчина, к новым творческим идеям. По этой причине в древности женщины были прорицательницами и провидицами у многих народов. Творческая смелость позитивного анимуса временами находит выражение тем мыслям и идеям, которые ведут людей к новым деяниям.

"Внутренний мужчина" в психике женщины может вести к проблемам в супружеской жизни, сходным с теми, которые указывались в связи с анимой. Особые трудности может вызывать то, что одержимость одного партнера анимусом (или анимой) может автоматически пробуждать одержимость у другого. Анимус и анима всегда склонны низводить разговор до самого низкого уровня, создавая атмосферу разногласий, гнева, эмоций.

Как я отмечала выше, позитивная сторона анимуса может олицетворять дух предприимчивости, мужества, правдивости, а в своих высших формах — и духовной глубины. Через него женщина способна воспринять основания своего объективного — культурного и личностного — положения, найти свой путь к интенсивной духовной позиции. Естественно, это предполагает, что ее анимус перестает представлять не подлежащие критике мнения. Женщина должна найти смелость и широту ума, чтобы поставить под вопрос святость своих убеждений. Только тогда она станет способной воспринять внушения бессознательного, в особенности там, где они противоречат мнениям ее анимуса. только тогда к ней приходят манифестации Самости, тогда она становится способной постичь их смысл.

Самость: символы целостности

Если индивид вел долгую и серьезную борьбу с проблемой анимы (или анимуса), так что он (она) уже не отождествляет себя с ними, то бессознательное вновь меняет свой характер и выступает в новой символической форме — как Самость, как сущностное ядро психики. В сновидениях женщины этот центр обычно выступает в облике высшей женской фигуры — жрицы, волшебницы, матери-земли, богини природы или любви. В случае мужчины этот центр предстает как вдохновитель и хранитель (индийский гуру), мудрый старец, дух природы и т.д. Две народных сказки показывают ту роль, которую может играть такая фигура. Первая сказка австрийская:

"Король приказал ночью стоять на часах у тела черной принцессы, которая была заколдована. Каждую ночь она поднимается и убивает часового. Наконец, один из солдат, чья очередь пришла стоять на страже, в отчаянии бежит в лес. Там он встречает "старика с гитарой, который и есть Господь". Старый музыкант говорит ему, чтоб он спрятался в церкви, и учит его, как ему избежать черной принцессы. С этой божественной помощью солдату удастся расколдовать принцессу, а потом он на ней женится".

Понятно, что "старик с гитарой, который и есть Господь", в психологических терминах представляет собой олицетворение Самости. С ее помощью эго избегает разрушения и способно преодолеть — даже спасти — в высшей степени опасную сторону анимы.

В женской психике, как уже говорилось, Самость принимает женские персонификации. Это можно проиллюстрировать вторым рассказом, сказкой эскимосов:

"Несчастливая в любви одинокая девушка встречается с волшебником, странствующим в медной лодке. Это "Дух Луны", вручивший всех животных людям и приносящий последним удачу на охоте. Он переносит девушку в небесное царство. Однажды, когда Дух Луны оставляет ее одну, она посещает домик рядом с поместьем лунного духа. Здесь она находит крошечную женщину, одетую в платье из "кишки бородатого тюленя". Она предостерегает героиню против Духа Луны, говоря, что тот намерен убить ее. (Он является чем-то вроде женоубийцы — Синей Бороды). Маленькая женщина сплетает длинную веревку, с помощью которой девушка может спуститься на Землю в новолуние, т.е. как раз в тот момент, когда маленькая женщина разбудит Духа Луны. Девушка спускается вниз, но она не открыла глаза так быстро, как ей говорила маленькая женщина. Поэтому она обратилась в паука и уже никогда не станет человеком".

Как мы уже отмечали, божественный музыкант в первой сказке представлял "мудрого старца" — типичная персонификация Самости. Он близок колдуну Мерлину из средневековой легенды или греческому богу Гермесу. Маленькая женщина в своем странном одеянии из кишки тюленя символизирует Самость в том виде, как она явлена в женской психике. Старый музыкант спасает героя от анимы, а маленькая женщина защищает девушку от "Синей Бороды" эскимосов (в виде Духа Луны, ее анимуса). В этом случае, однако, все заканчивается неблагоприятно (на этом я остановлюсь позже).

Однако Самость не всегда выступает в форме мудрых старца или старицы. Эти парадоксальные олицетворения суть попытки выражения чего-то вневременного — одновременно юного и старого. Сновидение мужчины средних лет показывает Самость в образе юноши:

"В наш сад с улицы въезжает юноша. (Нет ни кустарника, ни изгороди, как в реальной жизни — сад открыт). Я не уверен, прибыл ли он с целью, либо его против воли принесла сюда лошадь.

Я стою на дорожке, которая ведет к беседке и с огромным наслаждением смотрю на прибывшего. Вид мальчика на прекрасном коне глубоко меня взволновал.

Конь небольшой, дикий, сильный (он чем-то напоминает кабана); это как бы символ энергии. У него толстая, блестящая, серебристая шкура. Мальчик проезжает мимо меня между беседкой и домом, соскакивает с коня и аккуратно ведет его, чтобы тот не помял цветника с прекрасными алыми и оранжевыми тюльпанами. Этот цветник был совсем недавно разбит моей женой (это тоже случилось во сне)".

В сновидениях у мужчин персонификации Самости часто принимают образ «мудрого старца». Приводится нарисованное д-ром Юнгом изображение такой персонификации, явившейся ему в одном из сновидений. Это был крылатый старец, который держал в руках ключи и казался, по словам Юнга, воплощением «высшей проницательности».

Этот юноша обозначает Самость, а вместе с нею обновление жизни, творческий *elan vital*, равно как и новую духовную ориентацию, которая все наполняет жизнью и деятельностью.

Когда человек отдается инструкциям своего бессознательного, оно может принести ему такой дар. Вся жизнь, которая была застойной и скучной, вдруг становится богатой, делается нескончаемым внутренним приключением, полным творческих возможностей. В женской психике та же юная персонификация Самости может появиться как сверхъестественно одаренная девушка.

Возьмем, например, сновидение женщины, которой под пятьдесят лет:

"Я стою перед церковью, я мою мостовую возле нее. Затем я бросилась бежать по улице в тот самый момент, как на нее вышли после занятий студенты. Я прибежала на берег реки с застоявшейся водой. Через нее перекинут то ли мостик, то ли ствол дерева. Но когда я попыталась перейти, озорной студент стал мостик раскачивать, он затрещал и я с криком: "Идиот!" чуть не рухнула в реку. На другой стороне реки играли три маленьких девочки. Одна из них протянула мне руку, чтобы помочь. Я подумала, что ее маленькая ручка недостаточно сильна, чтобы мне помочь, но, когда я схватилась за нее, она без малейших усилий перенесла меня на другую сторону".

Сновидица является религиозным человеком, но, судя по ее сновидению, она не может более оставаться в церкви (протестантской); действительно, она как бы утратила способность входить в нее, хотя она, как может, следит за ее чистотой. Теперь она должна перейти через застоявшуюся реку, а это означает, что поток ее жизни замедлился из-за нерешенных религиозных проблем. (Перейти реку — это часто встречающийся символ фундаментальной перемены). Студент был истолкован самой сновидицей как олицетворение ранее возникавшей у нее мысли: будто она может удовлетворить свои духовные устремления, начав учиться в университете. Сновидение явно невысокого мнения о таком плане. Когда она решается перейти реку в одиночку, на помощь приходит персонификация Самости (девочка), маленькая, но сверхъестественно сильная.

Однако форма человеческого существа, будь оно молодым или старым, является лишь одним из способов явления Самости в снах и видениях. Различные возрасты, которые принимает эта форма, показывают не только то, что Самость сопровождает нас всю жизнь, но также то, что она существует за пределами осознаваемого нами потока жизни — а именно он задает наш опыт времени.

Подобно тому, как Самость неполностью содержится в нашем сознательном опыте времени (измерений пространства- времени), она также является вездесущей. Более того, она часто предстает в облике, намекающем на особую ее вездесущность: она предстает как гигантское символическое человеческое существо, охватывающее и содержащее в себе весь космос. Когда этот образ возникает в сновидениях индивида, мы можем надеяться на творческое разрешение его конфликтов, поскольку за преодоление трудностей берется оживший центр его психики (т.е. все его существо, сгустившееся в единое целое).

Космический Человек — гигантская, всеобъемлющая фигура, которая персонафицирует и содержит в себе всю вселенную,— является одной из широко распространенных форм представления Самости в мифах и сновидениях. Слева — титульный лист «Левиафана», книги английского философа 17-го века Томаса Гоббса. Гигантская фигура Левиафана составляется из всех вместе взятых граждан государства (или союза лиц, объединенных общими интересами — «Commonwealth» — идеального общества Гоббса, в котором люди сами избирают свою высшую власть (или «суверена», отсюда корона, меч и скипетр у Левиафана). Вверху — космическая фигура Пань-гу древних китайцев, изображенного покрытым листьями, что должно указывать на то, что Космический Человек (или Первочеловек) еще до всякого творения просто существовал подобно прозябающему растению.

Не удивительно, что эта фигура Космического Человека присутствует во многих мифах и религиозных учениях. Как правило, она описывается как нечто положительное и приходящее на помощь. Это Адам, Гайомар персов, Пуруша индусов. Эта фигура может выступать даже как основополагающий принцип всего мира. Древние китайцы, например, считали, что до всякого творения существовал колоссальный божественный человек Пань-гу, придавший небу и земле их форму. Когда он заплакал, его слезы стали Желтой рекой или Янцзы; когда он вздохнул, поднялся ветер; когда он бросил взгляд, ударила молния. Если он в хорошем настроении, то погода отменная, когда он печалится, небо закрывают тучи. Когда он умер, то он распался на части, и из его тела поднялись пять священных горных вершин Китая. Его голова стала горой Тай на Востоке, его туловище — горой Сун в центре, его правая рука — горой Хэн на Севере, его левая рука — горой Хэн на Юге, а его ноги стали горой Хуа на Западе. Его глаза сделались Солнцем и Луной.

Мы уже видели, что символические структуры, относимые к процессу индивидуации, нередко имеют своим основным мотивом четверичность. Таковы четыре функции сознания, четыре стадии анимы или анимуса. Здесь эта четверица предстает в космическом образе Пань-гу. Только специфические обстоятельства ведут к появлению других чисел в психическом материале. Когда эти манифестации естественны и им ничто не препятствует, то центр характеризуется четверичностью, т.е. наличием четырех подразделений или иной структуры, выводимой из числовых рядов 4, 8, 16 и т.д. Число 16 играет особенно важную роль, так как оно составлено из четырех четвериц.

В нашей западной цивилизации сходные идеи Космического Человека увязываются с символом Адама, Первочеловека. Существует еврейская легенда, согласно которой Бог, творя Адама, собрал с четырех сторон света красную, черную, белую и желтую пыль, и тем самым Адам "простирается с одного конца света до другого". Когда он нагнулся, то голова у него была на Востоке, а ноги — на Западе. Согласно другой еврейской традиции, все человечество с самого начала содержится в Адаме, включая души всех, кому суждено родиться. Поэтому душа Адама Каджмона подобна "фитилю лампы, состоящей из бесчисленных нитей". В этом символе ясно выражена идея целостного единства человеческого существования, лежащего по ту сторону всех индивидуальных различий.

В древней Персии тот же Первочеловек носил имя Гайомар и изображался в виде огромной испускающей свет фигуры. Когда он умер, из его тела произросли все металлы, а из его души — золото. Семя его упало на землю, и из не вышла первая пара людей в виде двух кустов ревеня. Поразительно то, что китайский Пань-гу также изображался покрытым листьями, наподобие дерева. Возможно, причиной этого было то, что Первочеловек мыслился произрастающим сам по себе, как единство жизни, не имевшие никаких внешних побуждений или причин. Среди нескольких народов, населяющих берега Тигра, Адаму по-прежнему поклоняются как сокровенной "сверх-душе" или мистическому "духу-хранителю" всего человеческого рода. Эти народы считают себя порождениями древней пальмы — еще одно повторение мотива растения.

На Востоке и в некоторых гностических кругах на Западе скоро пришли к мысли, что Космический Человек представляет собой, скорее, внутриспсихический образ, нежели конкретную внешнюю реальность. Например, согласно индийской традиции, он есть нечто живущее в индивидуальном человеческом существе, будучи единственной бессмертной его частью. Этот Великий Человек спасает индивида, выводя его из коварного мира с его страданиями — обратно, в изначальную и вечную сферу. Но он способен сделать это лишь в том случае, если человек осознает его присутствие и пробуждается для того, чтобы его могли вести. В символических мифах древней Индии эта фигура известна как Пуру-ша. Это имя означает просто "человек" или "лицо". Пуруша живет в сердце каждого индивида, и все же он одновременно заполняет собой весь космос.

Согласно свидетельствам многих мифов, Космический Человек является не только началом, но и последней целью всей жизни и всего творения. "Каждое зерно по природе своей обозначает муку, всякое сокровище по природе своей обозначает золото, всякое порождение обозначает человека", — говорил средневековый мудрец Мейстер Экхарт. Если посмотреть на это с психологической точки зрения, то это безусловно верно. Вся внутриспсихическая реальность каждого индивида в конечном счете направлена к архетипическому символу Самости.

Практически это означает, что существование человека никогда не получит удовлетворительного объяснения в терминах изолированных инстинктов или таких целесообразных механизмов, как голод, власть, выживание, самосохранение рода и т.д. Иначе говоря, главной целью человека являются не еда, питье и т.д. Эта цель — быть человеком. Выше и по ту сторону всех этих влечений лежит наша внутриспсихическая реальность, жизненное таинство которой доступно лишь символическому выражению. Для такого выражения бессознательное часто избирает могущественный образ Космического Человека.

В нашей западной цивилизации Космический Человек был в значительной мере отождествлен с Христом, а на Востоке — с Кришной или с Буддой. В Ветхом Завете эта же символическая фигура выступает как "Сын Человеческий", а в позднейшем еврейском мистицизме его называли Адамом Кадмоном. Некоторые религиозные движения поздней античности называли его просто Антропос (греческое слово, означающее просто "человек"). Подобно всем символам, этот образ указывает на непознаваемую тайну — последний и несказуемый смысл человеческого существования.

Как мы уже отмечали, некоторые традиции утверждают, что Космический Человек есть цель творения, но достижение ее не следует понимать как некое внешнее событие. С точки зрения индусов, не внешний мир однажды растворится в изначальном Великом Человеке, но экстравертивная ориентация эго на внешний мир исчезнет для того, чтобы освободить дорогу Космическому Человеку. Дискурсивный поток представлений эго (идуший от одной мысли к другой) и поток желаний эго (перебегающих от предмета к предмету) останавливаются, когда происходит встреча с Великим Человеком изнутри. Конечно, мы никогда не должны забывать о том, что внешняя реальность существует для нас лишь до тех пор, пока мы воспринимаем ее нашим сознанием; мы не можем доказать, что эта реальность существует "в себе и для себя".

Множество примеров, предоставляемых различными цивилизациями и разными эпохами, показывают универсальность символа Великого Человека. Его образ присутствует в уме всех людей как своего рода цель или выражение основополагающего таинства нашей жизни. Так как этот символ представляет целостность и полноту, он часто понимается как двуполое существо. В этой форме символ примиряет одну из важнейших пар психологических противоположностей — мужского и женского. Это единство часто встречается в сновидениях как божественная, царская или какая-то еще избранная чета. Следующее сновидение мужчины 47 лет драматически показывает эту сторону Самости:

"Я стою на возвышении и вижу внизу огромную черную и прекрасную медведицу с грубым, но в то же самое время пышным мехом. Она стоит на задних лапах и на большем камне полирует плоский и овальный черный камень, который становится все тоньше. Неподалеку я вижу львицу с детенышем, они заняты тем же самым, но полируемые ими камни больше и имеют круглую форму. Через какое-то время медведица превращается в толстую обнаженную женщину с черными волосами и темными жгучими глазами. Я говорю ей что-то эротическое и она неожиданно пододвигается ко мне, чтобы меня схватить. Я ее боюсь, а потому забираюсь на те подмостки, на которых стоял до того. Затем я оказываюсь среди множества женщин, половина которых с густыми черными волосами (словно они являются преображенными животными), а другие женщины не отличаются от наших (они той же национальности, что и сновидец), у них светлые или коричневые волосы. Первобытные женщины поют сентиментальную песню меланхоличными, пронзительными голосами. И вот, на высокой элегантной повозке прибывает молодой человек. На голове у него золотая королевская корона, украшенная блестящими рубинами, — это восхитительное зрелище. Рядом с ним сидит светловолосая молодая женщина, вероятно, его жена, но она без короны. Кажется, в эту пару преобразились львица со львенком. Они принадлежат к группе первобытных. Тут все женщины (и первобытные, и прочие) начинают торжественную песнь, а королевская повозка медленно плывет к горизонту".

Здесь внутреннее ядро психики сновидца появляется сначала в видении королевской четы, поднимающейся из глубин его животной природы, из первобытного слоя его бессознательного.

Медведица в начале сновидения есть своего рода материнское божество (в Греции, например, в образе медведицы поклонялись Артемиде). Темный овальный камень, который она полирует, вероятно, символизирует подлинную сущность, истинную личность сновидца. Шлифовка и полировка камня являются хорошо известными и древнейшими практиками. В Европе во многих местах находят "священные" камни, завернутые в кору и спрятанные в пещерах — там их хранили люди еще каменного века, считая их сосудами божественных сил. В настоящее время некоторые племена аборигенов Австралии верят в то, что их умершие предки продолжают существовать в камнях в виде благодетельных и божественных сил, и если они шлифуют камни, то эта сила растет (вроде подзарядки камней электричеством), что идет во благо и мертвым, и живым.

Мужчина, которому приснился этот сон, до того времени не желал связывать себя брачными узами. Страх быть уловленным этой стороной жизни побудил его во сне бежать от женщины-медведицы на подмостки наблюдателя, где он мог пассивно созерцать происходящее, не будучи им уловленным. Через мотив шлифуемого медведицей камня бессознательное пытается показать ему, что он сам должен вступить в контакт с этой стороной жизни: только трения семейной жизни могут оформить и отполировать его сущность.

Отполированный камень начинает сверкать как зеркало, так, что медведица может себя в нем узреть. Это означает, что лишь с принятием земного общения и страдания человеческая душа способна преобразиться в зеркало, в котором божественные силы способны узреть самих себя. Но сновидец бежит на подмостки, т.е. во всякого рода рассуждения, с помощью которых он избегает требований жизни. Затем сновидение показывает, что если он бежит от этих требований, то одна часть его души (его анима) остается недифференцированной. Это символизируется группой женщин, распадающейся на две половины: первобытных и более цивилизованных.

Львица и львенок, которые появляются затем на сцене, олицетворяют тайное стремление к индивидуации, на него указывает их работа с круглыми камнями (символами Самости). Львы, королевская чета — все это символы целостности. В средневековой символике "философский камень" (выдающийся символ целостности человека) представлялся как пара львов или как человеческая пара верхом на львах. Символически, это указывает на тот факт, что стремление к индивидуации часто выступает в завуалированной форме, будучи прикрытым непреодолимой страстью к другому лицу. (Превосходящая всякую меру любовная страсть, в конечном счете, также направлена к таинству целостности —

именно поэтому страстная влюбленность ощущается как полное единство с другим человеком и кажется единственной стоящей целью жизни).

Пока образ целостности в этом сновидении выражался в виде пары львов, он все еще содержал в себе такую всеохватывающую страсть. Но когда лев и львица превращаются в короля и королеву, стремление к индивидуации достигает уровня сознания и может быть понято эго в качестве действительной цели жизни.

Зеркало в сновидениях может символизировать способность бессознательного объективно «отражать» в себе индивида — давая ему увидеть в себе то, чего он никогда ранее не замечал. Только с помощью бессознательного такое объективное видение самого себя (которое зачастую шокирует и огорчает сознательный разум) может быть достигнуто. Этому в греческом мифе на Горгону Медузу, чей взгляд превращал людей в камень, можно было смотреть только через зеркало. Вверху — лицо Медузы, отраженное в щите Персея (фрагмент картины итальянского художника 17-го века Караваджо).

До того, как львы преобразились в человеческие существа, во сне были только поющие первобытные женщины с их печальной песней — чувства сновидца оставались на первобытном и сентиментальном уровне. Но в честь очеловечившихся львов гимн поют вместе и первобытные, и цивилизованные женщины. Это единение в выражении своих чувств показывает, что внутренний раскол в аниме сменился внутренней гармонией.

Еще одна персонификация Самости предстает в сообщении одной женщины об "активном воображении". (Активное воображение есть способ медитации, созерцания образов воображения, с помощью которого мы намеренно вступаем в контакт с бессознательным и сознательно соотносимся с психическими феноменами. Активное воображение представляет собой одно из важнейших открытий Юнга. Хотя оно в каком-то смысле сравнимо с восточными формами медитации — техникой дзен-буддизма, тантрической йоги или, на Западе, с техникой Exercitia иезуитов, — оно фундаментально от них отличается тем, что медитирующий совершенно свободен от предзаданных целей или программ. Тем самым медитация становится экспериментом свободного индивида, что отличает ее от направляемых попыток овладеть бессознательным. Здесь не место входить в детальный анализ активного воображения; читатель может обратиться к его описанию в работе Юнга "Трансцендентная функция").

В медитации этой женщины Самость предстала в виде оленя, говорящего эго: "Я — твой ребенок и твоя мать. Они называют меня "связующим животным", ибо я соединяю людей, животных и даже камни друг с другом, когда я в них вхожу. Я — твоя судьба или твое "объективное Я". Когда я появляюсь, то спасаю тебя от бессмысленных случайностей жизни. Горящий во мне огонь зажжен во всей природе. Если человек теряет его, то делается эгоцентричным, одиноким, сбившимся с пути и слабым".

Самость часто символизируется как животное, представляющее нашу инстинктивную природу в ее связи с окружающим миром. (Вот почему в мифах и сказках так много животных-помощников). Это отношение Самости ко всей окружающей природе или даже к космосу, вероятно, проистекает из того, что "неделимое ядро" нашей психики каким-то образом вплетено в мировое целое, вдет ли речь о внешнем или о внутреннем мире. Все

высшие проявления жизни как-то настроены на пространственно-временной континуум вокруг нас. Животные, например, имеют присущую своему виду пищу, материалы для постройки гнезд и нор, свою территорию, с которыми они гармонически соотносятся и к которым приспособлены инстинктивные образцы их поведения. Свою роль здесь играют временные ритмы. Достаточно вспомнить о том, что большинство травоядных животных рождает свое потомство именно в то время года, когда травы особенно обильны. Имея это в виду, один известный зоолог заявил, что "внутренности" каждого животного выходят далеко во внешний мир, "одушевляя" время и пространство.

За пределами нашего понимания по-прежнему лежит то, что наше бессознательное настраивается на окружающее — на нашу группу, на общество вообще, на пространственно-временной континуум и всю природу. Великий Человек индейцев наскапи не только открывает истины внутри, он также дает советы на охоте. Из сновидений охотников Наскапи поднимаются слова и мелодии магических песен, которые привлекают животных.

Такая помощь бессознательного дарована не одним дикарям. Юнг обнаружил, что сновидения способны дать цивилизованному человеку необходимое направление в его поисках пути через проблемы как внутренней, так и внешней жизни. Конечно, многие наши сновидения касаются деталей внешней жизни, того, что нас непосредственно окружает. Но дерево перед окном, велосипед или автомобиль, подобранный на прогулке камень могут подняться на уровень символики наших сновидений и сделаться осмысленными.

Если мы уделяем снам внимание, если мы не живем в холодном, безликом мире бессмысленного случая, то мы вступаем в наш собственный мир, полный важных и тайно упорядоченных событий.

Тем не менее, наши сновидения лишь во вторую очередь соотносятся с приспособлением к внешней жизни. В нашем цивилизованном мире большинство сновидений имеют дело с развитием "правильной" внутренней установки это по отношению к Самости, поскольку это отношение сильнее повреждено у нас современными способами мышления и поведения, чем это было у первобытных племен. Они чаще всего живут прямо из внутреннего центра, тогда как мы, с нашим лишенным корней сознанием, настолько опутаны внешними, совершенно чуждыми делами, что до нас с трудом доходят послания Самости. Наше сознание постоянно создает иллюзию четко оформленного "реального" внешнего мира, и эта иллюзия блокирует многие восприятия иного рода. Но через нашу бессознательную природу мы неизъяснимым образом связаны с нашей психической и физической средой.

Я уже указывала на то, что Самость особенно часто символизируется как камень, будь он драгоценным или нет. Мы видели это на примере полируемых медведицей и львами камней. Во многих сновидениях ядро, центр психики, Самость выступают в виде кристалла. Математически точная огранка кристалла вызывает у нас интуитивное чувство, что даже в так называемой "мертвой" материи действует духовное упорядочивающее начало. Поэтому кристалл часто символически выражает единство противоположностей — материи и духа.

Быть может, кристаллы и камни являются особо удачными символами Самости в силу ясной определенности своей природы. Многие люди не могут удержаться от того, чтоб не подобрать на прогулке камень с чуть необычной окраской и хранить его затем — сами не зная почему. Словно камни содержат в себе некую живую зачаровывающую тайну. Люди с начала времен собирали камни и предполагали, что иные из них являются хранилищами жизненной силы со всеми ее таинствами. Древние германцы, например, верили, что духи мертвых продолжают жить в погребальных камнях. Обычай устанавливать камни на могилах отчасти проистекает из символической идеи о том, что от умершего остается нечто вечное, лучше всего представляемое камнем. При всех возможных отличиях человеческого существа от камня, подлинная сущность человека странным образом подобна камню (ибо камень символизирует простое существование, максимально удаленное от эмоций, чувств, фантазий и дискурсивного мышления эго). В этом смысле камень есть символ простейшего и глубочайшего опыта — опыта чего-то вечного, доступного человеку, когда он ощущает себя бессмертным и неизменным.

Стремление воздвигать монументы из камня знаменитым людям или в честь важных событий обнаруживается во всех цивилизациях. Вероятно, оно также происходит из данного символического значения камня. Камень, положенный Иаковом на то место, где ему приснился его знаменитый сон, либо те камни, которые простые смертные кладут на гробницы местных святых или героев, показывают изначальность человеческого стремления выразить свой иначе невыразимый опыт и помощью камня-символа. Не удивительно, что многие религиозные культы пользуются камнем для обозначения божества или места поклонения. Самым священным святилищем исламского мира является Кааба, черный камень в Мекке, куда надеются совершить паломничество все благочестивые мусульмане.

Согласно христианской церковной символике, Христос есть "камень, который отвергли строители" и который "сделался главою угла" (Лука, 20:17). Еще он называется "камнем духовным", из которого проистекает живая вода (I.Кор. 10:4). Средневековые алхимики, исследовавшие тайны материи донаучным образом, надеясь найти в ней Бога или следы божественной деятельности, верили, что эта тайна воплощена в их знаменитом "философском камне". Но иные из них отчасти догадывались, что искомый камень был символом чего-то находимого лишь в душе человека. Древнеарабский алхимик Мориенус говорил: "Эта вещь (философский камень) извлекается из тебя: ты — для нее минерал, и в тебе ее можно отыскать; точнее, они (алхимики) извлекают ее из тебя. Если ты это узнаешь, любовь и одобрение камня произрастут в тебе. Знай, что это истинно и не подлежит сомнению".

«Вечное» качество камня открывается и в простой гальке, и в горных вершинах. Слева — каменные глыбы у подножья горы Уильямсон в Калифорнии. Не удивительно, что камень всегда использовывался в целях увековечивания — что демонстрируют головы четырех американских президентов, высеченные в отвесном склоне горы Рэшмор (штат Северная Дакота).

Алхимический камень (lapis) есть символ того, что нельзя утратить или растворить, нечто вечное, сравниваемое некоторыми алхимиками с мистическим опытом Бога в собственной душе. Обычно требовались долгие страдания, чтобы выжечь все поверхностные психические элементы, скрывающие камень. Но хотя бы единожды в жизни большинство людей имеют некий глубокий внутренний опыт Самости. С психологической точки зрения, подлинно религиозная установка заключается в поисках этого уникального опыта, в постепенной на него "настройке" (камень есть нечто постоянное). Самость делается тем самым внутренним партнером, с которого не сходит наше внимание.

Тот факт, что высшим и чаще всего встречающимся символом Самости является объект из неорганической материи, указывает на еще одну область исследования и умозрения. Этой областью является по-прежнему неизученное отношение между тем, что мы называем бессознательной психикой, и тем, что мы называем "материей". Это таинственное отношение пытается уловить психосоматическая медицина. Изучая эту донныне неопределенную и необъяснимую связь (может оказаться, что "психика" и "материя" в действительности суть одно и то же явление, наблюдаемое то "изнутри", то "извне"), Юнг выдвинул новое понятие синхроничности. Этот термин обозначает "значимое, осмысленное совпадение" внешних и внутренних событий, которые сами по себе причинно не связаны. Ударение здесь делается на слове "осмысленное".

Если самолет разбивается у меня на глазах, когда я сморкаюсь, то в таком совпадении событий нет никакого смысла. Это — простая случайность, каковая всегда имеет место. Но если я покупаю голубое платье, а из магазина по ошибке доставляют черное - как раз в тот день, когда умирает мой близкий родственник — то здесь мы имеем дело с осмысленным совпадением, два события не были причинно связаны, но их объединило символическое значение, придаваемое нашим обществом черному цвету.

Когда бы Юнг ни наблюдал такие значимые совпадения в индивидуальной жизни, оказывалось, что в бессознательном этого индивида активировался архетип (это было видно и по его сновидениям). Для иллюстрации этого можно взять мой пример с черным платьем: в этом случае у получившего из магазина платье лица было сновидение на тему смерти. Лежащий в глубинах архетип, кажется, одновременно проявляет себя во внутренних и во внешних событиях. Общим знаменателем является символически выразимое послание — в данном случае о смерти.

Как только мы замечаем, что некоторые типы событий имеют "склонность" в определенное время состыковываться, мы начинаем понимать китайцев, медицинские теории, философия и даже строительство у которых опираются на "науку" значимых совпадений. Классические китайские тексты спрашивают не столько о том, что причинно обусловило другое событие, но о том, что имеет "склонность" случаться вместе с другим. Ту же тему мы находим в астрологии, а самые разные цивилизации обращались к оракулам и знамениям. Повсюду здесь мы сталкиваемся с попытками объяснения совпадений, которые отличаются от прямой связи причины и следствия.

Выдвигая понятие синхроничности, Юнг дал набросок того пути, идя по которому мы можем глубже проникнуть во взаимосвязь психики и материи. Именно на это отношение указывает символ камня. Но здесь мы вступаем в недостаточно изученную область, открытую для поисков грядущих поколений психологов и физиков.

Может показаться, что проблема синхроничности уводит меня от главной темы, но я думаю, что мне следовало на нее указать, поскольку эта гипотеза Юнга богата возможностями будущих исследований и практических применений. Более того, синхроничные события почти всегда сопровождают решающие фазы процесса индивидуации. Но они слишком часто проходят незамеченными, так как индивид не обучен наблюдать такие совпадения и осмыслять их, соотнося их с символикой своих сновидений.

Отношение к Самости

Сегодня все большее число людей, прежде всего жителей больших городов, страдают от страшной пустоты и скуки существования, словно они ожидают чего-то никогда не достижимого. Кино, телевидение, стадион и политика могут ненадолго развлечь их, но затем они вновь и вновь возвращаются, изнеможенные и разочарованные, в пустыню собственной жизни.

Единственная авантюра, на которую может пуститься современный человек, это путешествие по внутреннему царству бессознательной психики. Эта туманная мысль обращает многих к йоге и к другим восточным практикам. Но тут они не находят ничего особенно нового, так как обращенные должны просто принять вedomое китайцам и индусам, так и не встретившись с сущностью собственной жизни. Восточные методы, конечно, помогают нам концентрироваться, направлять сознание вовнутрь. Эти процедуры в известном смысле похожи на интроверсию аналитической терапии, но имеются и важные отличия. Юнг разработал способ обретения внутреннего центра, достижения живого таинства бессознательного каждым, в одиночку и без помощи со стороны, а там речь идет о следовании по проторенным путям.

Переключить немалую часть внимания своего дневного сознания на жизненную реальность Самости значит пытаться одновременно жить как бы на двух уровнях или в двух различных мирах. Как и прежде, нужно занимать свой ум внешними обязанностями, но в то же самое время требуется быть настороже, вслушиваться в подаваемые сновидениями и внешними событиями намеки и знамения. В них символизируются интенции Самости — то направление, в котором движется поток жизни.

Древнекитайские тексты в связи с таким опытом часто приводят сравнение с кошкой, сидящей у мышиной норы. В одном тексте говорится, что нельзя позволять другим мыслям вмешиваться, но внимание не должно быть и чрезмерно обостренным (впрочем, и не притупленным). Нужен именно такой уровень восприимчивости. "Если ты получил подобную подготовку, ... то со временем она скажется, и когда дело созреет, подобно спелой дыне, которая сама падает в руки, все могущее произойти или вступить в контакт с твоей волей неожиданно вызовет высшее пробуждение. В этот момент практикующий подобен тому, кто пьет воду, а потому только сам он знает, теплая вода или холодная. Он освобождается от всех сомнений о себе самом и испытывает величайшее счастье, похожее на счастье с родным отцом на неведомом перекрестке".

Так, посреди повседневной жизни, нас неожиданно захватывает восхитительное приключение: путь лежит к внутреннему, а так как у каждого оно свое, то его нельзя ни скопировать, ни украсть.

Имеются две причины, по которым человек утрачивает контакт с регулирующим центром своей души. Первая из них заключается в том, что какие-то единичные влечения или эмоционально заряженные образы могут привести к односторонности и к утрате равновесия. Такое случается и с животными: сексуально возбужденный олень забывает о голоде и безопасности. Такой односторонности и следующей из нее утраты равновесия крайне опасаются дикари, называющие их "утратой души". Сходную угрозу внутреннему равновесию несет избыточная мечтательность, которая тайком кружит вокруг определенных комплексов. Сны наяву возникают именно потому, что они связывают человека с его комплексами; в то же самое время они угрожают концентрации внимания и непрерывности сознания.

Вторая причина имеет прямо противоположный характер. Она связана с избыточным затвердеванием эго. Хотя дисциплинированное сознание необходимо для выполнения

наших гражданских дел (мы знаем, что может произойти, если снам наяву будет предаваться сигнальщик на железной дороге), у такого сознания имеется серьезный недостаток. Оно способно блокировать восприятие побуждений и посланий, идущих из центра. Вот почему столь многие сновидения цивилизованных людей заботятся о восстановлении этой восприимчивости, пытаются исправить наличную установку сознания по отношению к бессознательному центру, к Самости.

В мифологических представлениях Самости подчеркивается ее соотнесенность с четырьмя сторонами света. На многих изображениях Великого Человека он находится в центре круга, разделенного на четыре равных части. Юнг пользовался индийским словом мандала (магический круг) для обозначения структур такого рода, дающих символический образ "атомного ядра" человеческой психики, сущности которого мы не знаем. Любопытно то, что охотники Наскапи изображали Великого Человека не в виде человеческого существа, но как мандалу.

Если опыт внутреннего центра у Наскапи является наивным и непосредственным, не прибегая к помощи религиозных ритуалов или учений, то другие сообщества используют мотив мандалы для восстановления утраченного внутреннего равновесия. Например, индейцы Навахо с помощью рисунков на песке, имеющих структуру мандалы, пытаются привести больного обратно к гармонии с самим собой и с космосом, восстанавливая тем самым его здоровье.

В восточных цивилизациях сходные изображения используются для консолидации внутреннего мира либо для погружения в глубокую медитацию. Созерцание мандалы должно нести успокоение, ощущение того, что жизнь вновь обрела порядок и смысл. Мандала передает это ощущение и тогда, когда она самопроизвольно возникает в сновидениях современного человека, на которого уже не оказывают влияния религиозные традиции, поскольку он о них просто ничего не знает. Быть может, положительное воздействие в таких случаях даже сильнее, поскольку знание и традиция иногда препятствуют спонтанному опыту или даже целиком его блокируют.

Примером самопроизвольно возникшей мандалы может служить сновидение 62-летней женщины. Оно было прелюдией новой фазы ее жизни, оказавшейся в высшей степени творческой:

"Я вижу в дымке какой-то ландшафт. Фоном является возвышающийся склон холма. Вдоль по склону движется четырехугольный диск, который сияет словно он золотой. Ближе ко мне виднеется пашня, уже пробиваются первые побеги. Теперь я вижу круглый стол, на нем серая каменная плита — и тут же четырехугольный диск оказывается на столе. Он покинул холм, но как и почему он переменил место, я не знаю".

В сновидениях ландшафты, как и в живописи, часто символизируют невыразимое настроение. В этом сновидении затуманенный ландшафт указывает на то, что дневная ясность сознания умерилась. Теперь может в собственном свете проявиться "внутренняя природа", о чем говорит четырехугольный диск, возникший на горизонте. Этот диск, символ Самости, был интуитивной идеей на умственном горизонте сновидицы, но теперь он меняет свое положение, становится центром ландшафта ее души. Давно посеянные семена стали давать всходы: она и раньше уделяла большое внимание своим снам, а теперь ее труд приносит плоды. (Я уже указывала на связь между символами Великого Человека и растительной жизнью). Золотой диск теперь неожиданно занимает "правую" сторону — ту сторону, где предметы становятся осознанными. Помимо всего прочего, "правое" часто означает (психологически) сторону сознания, адаптации, того, что мы "правы", тогда как "левое" обозначает сторону неадаптированных, бессознательных, а иной раз и "дурных" реакций. Наконец, золотой диск останавливается — это немаловажно — на круглом столе. Он нашел для себя постоянное основание.

Зимний пейзаж немецкого художника Каспара Фридриха. Пейзажная живопись обычно передает смутные, неизъяснимые «настроения», т. е. выполняет ту же функцию, что и символические ландшафты сновидений.

Как далее отмечает в своей главе Аниела Яффе, круглая форма (мотив мандалы) обычно символизирует естественную целостность, тогда как четырехугольная форма представляет реализацию этой целостности в сознании. В сновидении квадратный диск встречается с круглым столом, а тем самым приблизилась реализация центра в сознании. Круглый стол является хорошо известным символом целостности и играет большую роль в мифологии — например, круглый стол короля Артура, являющийся отображением стола Тайной вечери.

Где бы человек ни начинал оборачиваться к внутреннему миру и познавать себя — но не путем хождения вокруг да около своих субъективных мыслей и чувств, а следуя экспрессиям своей объективной природы, таким, как сновидения и подлинные фантазии — повсюду он раньше или позже встречается с Самостью. Тогда эго находит внутреннюю силу, содержащую в себе все возможности обновления.

Но на этом пути имеется огромное препятствие, о котором я выше косвенно уже упоминала. Оно заключается в том, что любая персонификация бессознательного — тень, анима, анимус, Самость — обладают как светлой, так и темной ипостасями. Ранее мы видели, что тень может быть низкой и злобной, представлять инстинктивные влечения, которые нужно преодолевать. Но она может быть побуждением к росту, а его следует культивировать. Точно так же двойственны анима и анимус: они несут личности полное жизни развитие и творческую активность, но они же являются причиной окаменелости и физической смерти. Даже Самость, всеобъемлющий символ бессознательного, обладает амбивалентным воздействием. Например, в приведенной выше эскимосской сказке, где "маленькая женщина" предложила героине спасение от Духа Луны, в действительности она обращает ее в паука.

Темная сторона Самости страшнее всего — как раз потому, что Самость является величайшей силой в психике. Она может заставлять людей впадать в манию величия или "плести" сети бредовых фантазий, которые захватывают людей и делают их "одержимыми". В таком состоянии индивид с возрастающим возбуждением считает, что он разгадывает некие величайшие космические загадки, а потому теряет всякое соприкосновение с человеческой реальностью. Достоверным симптомом такого состояния является утрата чувства юмора и контактов с другими людьми.

Появление Самости может нести с собою огромную опасность для сознательного эго. Эта двойственность Самости хорошо выражена в древнеперсидской сказке, озаглавленной "Тайна летающей бани".

"Великий и благородный принц Хатем ибн-Тай получает приказание шаха разгадать тайну летающей бани (замка небытия). Когда после многих опасностей он приближается к ней, то слышит, что никто из нее не возвращается обратно, но настаивает на том, что он в нее войдет. В круглом здании его встречает призрак-брадобрей с зеркалом и ведет его в баню. Стоило Хатему зайти в воду, как раздается страшный гром, все погружается во тьму, призрак исчезает, а вода начинает подниматься.

Хатем в отчаянии плавает, пока вода не поднимается до самого купола. Он совсем обессилел, но мысленно взывает к помощи всевышнего и хватается за

последний камень купола. Тут снова раздается страшный грохот, все переменилось, и Хатем видит себя в необъятной пустыне.

Три дня и три ночи шел он по пустыне и вдруг увидел необычайно красивый сад, посреди которого стояли окаменевшие человеческие фигуры, а в центре находилась клетка с попугаем. Тут раздался некий таинственный голос: "О юноша, как достиг ты сих мест и почему, отказавшись от земной жизни пожаловал сюда?" Услышав этот голос Хатем осмотрелся и увидел какую-то дощечку, на коей было написано: "Однажды Гайомар нашел огромный и прекрасный алмаз, сверкающий ярче Солнца и Луны. Он решил его спрятать, чтоб никто его не нашел, а для того построил эту магическую баню и поселил в ней говорящего попугая, в животе которого спрятан драгоценный алмаз. У его ног лежат золотые лук и стрелы. Если ты поразишь стрелой попугая с трех раз, чары разрушатся. Если же тебе это не удастся, то ты окаменеешь, подобно всем, кто сюда приходил".

Хатем стреляет первый раз и промахивается. Его ноги окаменели. Он промахивается во второй раз, и на сей раз он окаменел до пояса. В третий раз он закрывает глаза и, воскликнув "Аллах велик", стреляет наугад. Стрела поразила попугая насквозь, и вдруг засверкали молнии, загредел гром и все вокруг погрузилось во тьму. Хатем же упал без чувств, а когда опаматовался, увидел, что нет ни сада, ни святилища, ни попугая, и лишь на голой земле лежит сверкающий, словно солнце, алмаз. Едва Хатем поднялся и взял алмаз в руки, каменные фигуры ожили. Все спасенные бросились ему в ноги, благодаря за избавление от колдовства".

Читатель без труда узнает в этом рассказе символы Самости — Первочеловек-Гайомар, круглое, напоминающее мандалу строение, алмаз. Но этот камень окружен опасностями. Дьявольский попугай обозначает злой дух подражания, который ведет к промахам мимо цели и к душевной окаменелости. Как я уже указывала ранее, процесс индивидуации исключает попугайское подражание другим. Время от времени в разных странах люди пытались копировать в своих "внешних" ритуалах первоначальный опыт великих учителей религии Христа, Будды или другого наставника — и именно поэтому "окаменевали". Идти вслед великому духовному вождю еще не значит копировать его действия, слепо принимая их за образец процесса индивидуации. Мы должны сравняться с этим учителем в честности, преданности, любви — в нашей собственной жизни.

Призрак-брадобрей с зеркалом, который исчезает по ходу рассказа, символизирует дар рассудительности, который Хатем теряет именно в тот момент, когда она ему особенно нужна. Поднимающиеся воды — это та опасность утонуть, когда нас захлестывают бессознательные эмоции. Чтобы понять символические указания бессознательного, мы должны не "выходить из себя", но держать при себе свои эмоции. Конечно, нормальное функционирование жизненно важно и должно продолжаться. Только оставаясь обычным человеческим существом, осознающим свои несовершенства, я способен стать восприимчивым к смыслу бессознательных процессов. Но человек ощущает себя в то же время и всей вселенной, и жалким земным существом — как ему пережить такое напряжение? Если, с одной стороны, я презираю себя как мелкую статистическую величину, то моя жизнь теряет смысл, она не стоит того, чтобы ее жить. Но если, с другой стороны, я чувствую себя частью чего-то много большего, то как мне сохранить контакт с почвой? Эти внутренние противоположности трудно совмещать в себе, не впадая то в одну, то в другую крайность.

Социальный аспект Самости

Сегодня у нас вызывает подавленное состояние гигантский рост населения, особенно заметный в больших городах. Нас неотступно преследует мысль: "Я всего лишь такой-то, живущий по такому-то адресу, подобно тысячам других. Какая разница, если нескольких из них убьют? И без того народу в избытке". Когда мы читаем в газетах о смерти бесчисленных неведомых нам людей, которые лично для нас ничего не значат, нас все больше охватывает чувство собственной малости — наша жизнь ничего не стоит. Именно в такой момент огромную помощь способно оказать переключение внимания на бессознательное: сновидения говорят нам, что каждая деталь нашей жизни переплетается с чрезвычайно важными реальностями.

Теоретически нам известно, что все зависит от индивида. В сновидениях такое знание становится осязаемым фактом опыта каждого. Иной раз у нас появляется сильное ощущение, будто Великий Человек чего-то хочет от нас и возлагает на нас особые

задачи. Ответ на этот опыт помогает нам обрести силу для того, чтобы плыть против потока коллективных предрассудков. Мы принимаем всерьез свою собственную душу.

Конечно, это занятие далеко не всегда приятно. Например, вы хотите совершить в следующее воскресенье поездку с друзьями, а сновидение запрещает вам это и требует заняться какой-то творческой работой. Если вы послушаетесь и подчинитесь, то вам следует ожидать постоянного вмешательства в ваши тщательно задуманные планы. Другие интенции пересекаются с вашей волей, им приходится подчиняться, либо, по крайней мере, с ними всерьез считаться. Именно этим объясняется то, что проистекающие из процесса индивидуации обязанности воспринимаются, скорее, как ноша, а не как благословение.

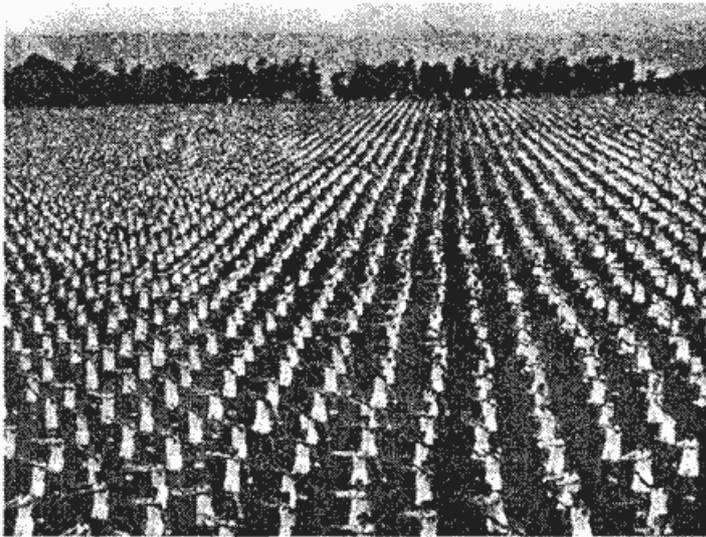
Св.Христофор, покровитель странников, представляется хорошим символом для этого опыта. Согласно легенде, он необычайно гордился своей огромной физической силой и желал служить только сильнейшему. Сначала он служил царю, но когда увидел, что тот боится дьявола, он оставил его, сделавшись слугой дьявола. Но однажды он открыл, что дьявол боится распятия, а потому решил служить Христу, если только его найдет. Следуя совету одного отшельника, он стал ждать Христа у брода. Долгие годы он переносил через брод людей. Но однажды в темную ночь и в бурю маленький ребенок попросил, чтобы Христофор перенес его через реку. Тот с легкостью поднял ребенка себе на плечи, но с каждым шагом ноша становилась все тяжелее. Дойдя до середины брода, Христофору стало ясно, что он несет не младенца, а всю вселенную. Он узнал, что на плечах у него Христос, который дал ему отпущение грехов и жизнь вечную.

Этот чудесный ребенок есть символ Самости, который буквально "подавляет" обычного человека, хотя именно он является единственным спасением человека. Во многих произведениях искусства младенец-Христос изображается в виде мировой сферы или вместе с нею. Этот мотив явно указывает на Самость, ибо и ребенок, и сфера суть универсальные символы целостности.

Когда человек подчиняется бессознательному, он уже не может делать все, что пожелает. Но он так же не способен выполнять все то, чего от него хотят другие. Нередко он должен оставлять свою группу — семью, супруга, рвать иные личные связи, чтобы найти себя самого. Поэтому иногда говорят, что внимание к бессознательному делает людей антисоциальными и эгоцентричными. Как правило, это не так, поскольку в этой установке присутствует малоизвестный фактор: коллективный (или даже социальный) аспект Самости.

С практической точки зрения, этот фактор заявляет о себе тем, что индивид, долгое время следовавший своим сновидениям, обнаруживает, что они часто касаются его отношений с другими людьми. Его сновидения предупреждают его не слишком доверять каким-то лицам, либо ему может присниться сон о благоприятной встрече с тем, на кого он ранее не обращал никакого внимания. Если сновидение подает нам образ другого лица таким или сходным образом, то здесь возможны два толкования. Во-первых, эта фигура может быть проекцией, а это означает, что образ данного человека в сновидении есть символ внутреннего аспекта самого сновидца. Скажем, вам снится непорядочный сосед, но он используется сновидением для изображения вашей собственной непорядочности. Задачей толкования будет тогда обнаружение тех областей, где сказывается эта непорядочность. (Это будет интерпретация сновидений на субъективном уровне).

Но временами сновидения действительно говорят нам нечто о других людях. Бессознательное начинает играть роль, которая во многом остается непонятной. Как и все высшие формы жизни, человек гармонически "настроен" на живые существа вокруг него. Он воспринимает их страдания и проблемы, положительные и отрицательные свойства и ценности. Это осуществляется инстинктивно, независимо от его мыслей по поводу других людей.

Психологическая зрелость достигается только в результате индивидуальных усилий и поэтому сегодня, когда распространившийся среди людей конформизм является реальной угрозой человеческой индивидуальности, выполнение этой задачи становится все более трудным делом. Швейцарский легкоатлетический парад дает выразительный образ приведения индивидуальности к общему знаменателю.

Жизнь наших сновидений позволяет нам бросить взгляд на эти подпороговые восприятия, даст понять механизм их воздействия. После приятного сновидения о ком-то, даже в отсутствие всякой интерпретации, я невольно взгляну на него с большим интересом. Образы сновидений могут меня обманывать в силу моих собственных проекций, но они могут давать и объективную информацию. Правильное истолкование требует честности и тщательного осмысления. Но и внутренние процессы, и человеческие отношения, в конечном счете, регулируются Самостью, тогда как эго должно отслеживать иллюзорные проекции и соотносить их и с внутренним, и с внешним миром. Именно этой ролью Самости определяется то, что духовно созвучные и сходным образом мыслящие люди находят дорогу друг к другу, создавая группы, рассекающие все привычные социальные и иерархические связи между людьми. Такая группа не вступает в конфликт с другими группами, она просто от них отличается и от них независима. Сознательно регулируемый процесс индивидуации тем самым меняет взаимоотношения индивида. Привычные связи, вроде родства или общности интересов, заменяются иным типом единения — связью через Самость.

Все виды деятельности и все обязанности, относящиеся исключительно к внешнему миру, явным образом вредят сокровенной активности бессознательного. Этими бессознательными узлами сочетаются те, кто и ранее друг другу принадлежал. Уже поэтому попытки воздействия на людей с помощью рекламы и пропаганды разрушительны, даже если они вызваны идеалистическими мотивами.

Возникает важный вопрос: а можно ли вообще воздействовать на бессознательную часть человеческой психики? Практический опыт и точные наблюдения показывают, что мы не в силах повлиять на собственные сновидения. Конечно, есть люди, утверждающие, что они на это способны. Но если приглядеться к содержанию их сновидений, то это воздействие напоминает обращение хозяина с непослушной собакой: ей приказывают делать то, что она и без того хочет сделать, сохраняя при этом иллюзорный авторитет хозяина собаки. Только длительный процесс истолкования сновидений и вслушивания в то, что они говорят, постепенно трансформирует бессознательное. В этом процессе должны измениться и установки сознания.

Если человек стремится воздействовать на общественное мнение и злоупотребляет для этого символами, он способен повлиять на массы, так как использует настоящие символы. Но заранее нельзя просчитать, будет ли бессознательное масс эмоционально захвачено ими, поскольку это относится к целиком и полностью иррациональной сфере. Ни один сочинитель песен не скажет заранее, станет ли его песня популярной, даже если он использует популярные образы и мелодии. Попытки произвольного влияния на бессознательное пока не давали заметных результатов. Бессознательное масс остается столь же автономным, как и бессознательное индивида.

Иногда бессознательное пользуется мотивом из внешнего мира для выражения своей цели. Может показаться, что этот мотив оказал на бессознательное влияние. Например, я не раз сталкивалась со сновидениями, в которых присутствует разделенный стеной Берлин. В этих сновидениях Берлин является как бы слабым местом психики — местом опасности — и по этой причине он представляет собой ту точку, где может проявиться Самость. Это точка конфликта, а потому в ней могут соединяться противоположности. Чрезвычайно много реакций такого рода вызвал и фильм *Hiroschima Mon Amour*: в большинстве сновидений либо любящие этого фильма соединяются (символ единства противоположностей), либо происходит атомный взрыв (символ полного распада, равноценного безумию).

Кажется, что манипуляторы общественным мнением достигают временного успеха, когда они прибегают к коммерческой рекламе или к актам насилия. Но в действительности это вызывает только подавление подлинных реакций бессознательного. Массовое подавление ведет к тем же результатам, что индивидуальное — к невротической диссоциации и к психической болезни. Однако в долгой перспективе все эти попытки подавления реакций бессознательного обречены на поражение, ибо они противоречат нашим фундаментальным инстинктам.

Исследования социального поведения высших животных показывают, что оптимальные условия для жизни как отдельного животного, так и стаи, создают малые группы (от 10 до 50 индивидов). Человек не является исключением из правила. Его физическое благополучие, душевное и духовное здоровье, культурная продуктивность расцветают именно в социальных образованиях такого размера. Имеются данные, говорящие о том, что Самость создает такие малые группы вместе с четко обозначенными связями между индивидами и чувством общности со всеми людьми. Лишь в том случае, если эти связи созданы Самостью, человек чувствует себя застрахованным от того, что зависть, ревность, соперничество и всякого рода негативные проекции не разрушат группу. Поэтому безусловная преданность собственному процессу индивидуации приносит также наилучшие условия для социальной адаптации.

Конечно, это не означает того, что не будет столкновения мнений и конфликта обязанностей, несогласия относительно "правильного" пути. Столкнувшись со всеми этими конфликтами, мы должны как бы отойти в сторону, прислушаться к своему внутреннему голосу, чтобы найти индивидуальную точку отсчета.

Фанатичная политическая активность несовместима с индивидуацией (ее следует отличать от исполнения наших прямых обязанностей). Человеку, который полностью посвятил себя освобождению страны от вражеской оккупации, приснился следующий сон:

"С несколькими соотечественниками я поднимаюсь по лестнице к музею, вхожу в зал с окрашенными в черный цвет стенами, напоминающий кабину корабля. Изысканная дама средних лет открывает дверь, ее зовут Х., она дочь Х. (Х. — это знаменитый национальный герой его страны, который несколькими веками ранее пытался ее освободить. Его можно сравнить с Жанной д'Арк или Вильгельмом Теллем. В действительности Х. был бездетен). В зале мы видим портреты двух аристократически выглядящих дам, одетых в цветистые парчовые одежды. Пока дочь Х. рассказывает нам об этих картинах, портреты вдруг оживают: сначала глаза, затем начинает колыхаться от дыхания грудь. Все удивлены, люди собираются в лекционный зал, где Х. будет говорить об этом феномене. Она говорит, что ее интуиция и чувства оживают эти портреты; но некоторые люди возмущаются и объявляют ее сумасшедшей, иные встают и выходят из зала".

Важной особенностью этого сновидения является то, что фигура анимы, дочь Х., является чистейшим порождением сновидения. Но она носит имя знаменитого национального героя-освободителя (предстает как некая Вильгельмина Телль). По этому имени мы можем установить, что бессознательное указывает сновидцу, что он не должен пытаться, как некогда Х., освободить страну внешним образом. Сегодня, говорит сновидение, освобождение совершается анимой (т.е. душой сновидца), осуществляющей освобождение путем привнесения образов бессознательного в жизнь.

Особое значение имеет то, что зал при входе в музей напоминает окрашенную в черный цвет кабину корабля. Черный цвет указывает на темноту, ночь, обращенность вовнутрь, и если зал у входа является кабиной, то весь музей есть своего рода корабль. Когда материк коллективного сознания затопляют воды бессознательного варварства, полный живых образов корабль-музей становится неким спасительным ковчегом — вступивших на него он переносит к берегу духа. Портреты в музее обычно представляют умершее прошлое; нередко так рассматриваются и образы бессознательного, пока мы не

открываем их жизненного смысла. Когда анима, выступающая здесь в своей истинной роли проводника души, интуицией и чувством созерцает эти образы, то они оживают.

Возмущенные люди в сновидении представляют ту сторону психики сновидца, на которую воздействуют коллективные мнения — неверие, отрицание этого оживления душевных образов. Это персонификация сопротивления бессознательному, которое можно было бы выразить примерно так: "Но что будет, если они начнут сбрасывать на нас атомные бомбы? Тогда инсайты психологии нам не слишком помогут!"

Эта противящаяся сторона не способна освободиться от статистического мышления и экстравертивных рационалистических предрассудков. Тем не менее, сновидение указывает на то, что в наше время подлинное освобождение не может начаться без психологической трансформации. Какой смысл освобождать свою страну, если нет никакой осмысленной цели — цели, ради которой только и следует освобождаться? Когда человек уже не видит цели в своей жизни, то нет никакой разницы, зачахнет ли он при коммунистическом или капиталистическом режиме. Только там, где он пользуется своей свободой для творения чего-то осмысленного, может встать вопрос о свободе. Вот почему поиск глубинного смысла жизни важнее всего, а процессу индивидуации должно отдаваться первенство перед всем остальным.

Попытки повлиять на общественное мнение с помощью газет, радио, телевидения и рекламы опираются на два фактора. С одной стороны, это техника внушения шаблонов, направляющая "мнения" и "желания", т.е. коллективные установки. С другой стороны, эти средства выражают предрассудки, проекции и бессознательные комплексы (в основном, властный комплекс) тех, кто манипулирует общественным мнением. Но статистика плохо знает индивида. Хотя средний размер гальки может быть пять сантиметров в диаметре, в куче найдется лишь пара камней именно такого размера.

Очевидно, что второй фактор не может принести ничего позитивного. Но если одинокий индивид посвящает себя индивидуации, то он нередко оказывает положительное влияние, заражая людей вокруг себя. Словно искорка перебегает с одного человека на другого. Обычно это происходит, когда не было ни малейшего намерения воздействовать на других, иногда вообще не произносится ни слова. Именно на этот внутренний путь старается наставить сновидца дочь Х.

Почти все религиозные системы нашей планеты содержат образы, символизирующие процесс индивидуации, либо, по крайней мере, некоторые его стадии. В христианских странах Самость проецируется на второго Адама — Христа. На Востоке соответствующими фигурами являются Кришна и Будда.

Для живущих религией, т.е. по-прежнему верующих в ее содержание и доктрину людей, психологическая регуляция жизни осуществляется с помощью религиозных символов — даже их сновидения вращаются вокруг последних. Когда папа Пий XII выпустил энциклику о вознесении Марии, женщине-католичке приснился сон, где она стала католической священницей. Ее бессознательное как бы развило догмат следующим образом: "Если Мария сделалась теперь чуть ли не богиней, то у нее должны быть священнослужительницы". Другой католичке, имевшей известные проблемы в связи с некоторыми аспектами вероучения, приснилось, что церковь в ее родном городе была снесена и отстроена заново, но рака со святыми мощами и статуя Девы Марии были перенесены из старой церкви в новую. Сновидение показало ей, что некоторые мужские аспекты ее религии нуждаются в обновлении, но ее основные символы — Бог, сделавшийся Человеком, Великая Мать — Дева Мария, должны сохраниться во всех изменениях.

Такие сновидения демонстрируют живой интерес бессознательного к религиозным представлениям индивида на уровне сознания. Возникает вопрос, можно ли проследить некую общую тенденцию в религиозных сновидениях современных людей. В манифестациях бессознательного, обнаруживаемых в нашей нынешней христианской культуре, будь она протестантской или католической, Юнг часто наблюдал бессознательное стремление дополнить нашу тринитарную формулу божества четвертым элементом — женским, темным, иногда злым началом. В действительности этот четвертый элемент всегда существовал в царстве наших религиозных представлений, но он был отделен от образа Бога, стал его противником в виде материи (или ее властелина - дьявола).

Эта статуя Мадонны, датируемая 15-м веком, скрывает внутри себя изображения как Бога Отца, так и Христа, недвусмысленное свидетельство того, что Дева Мария является, если так можно выразиться, олицетворением архетипа «Великой Матери».

Теперь бессознательное как бы стремится воссоединить эти крайности, ибо свет стал слишком ярким, а тьма слишком черной. Естественно, бессознательной трансформации в таком случае подлежит центральный символ религии, образ Божества.

Тибетский аббат однажды рассказал Юнгу, что важнейшие мандалы Тибета созданы воображением, или направляемой фантазией, когда нарушалось психологическое равновесие в группе, либо когда какая-то мысль не могла получить своего выражения, так как она еще не содержалась в вероучении, а потому требовала иных выразительных средств. В этих замечаниях показаны два равно важных аспекта символизма мандалы. Мандала консервативна, она служит целям сохранения, восстановления прежде существовавшего порядка. Но она также служит творческой цели, дает форму тому, что еще не существует, новому и уникальному. Второй аспект, наверное, даже важнее первого — во всяком случае, он ему не противоречит. Восстановление старого порядка в большинстве случаев содержит в себе элемент творчества нового. В новом порядке древние образцы возвращаются, но на ином уровне. Процесс напоминает восхождение по спирали, которая движется вверх, всякий раз возвращаясь к уже пройденным точкам.

На рисунке одной простой женщины, воспитанной в протестантском окружении, мандала изображена в форме спирали. В сновидении эта женщина получила приказ нарисовать Божество. Позже (тоже во сне) она увидела его в книге. От самого Бога она уловила только развевающуюся мантию, прекрасную игру тени и света, создаваемую этим покровом. Впечатляющим контрастом этому было стабильное положение спирали в яркосинем небе. Зачарованная этими покровами и спиралью, сновидица не присматривалась к другой фигуре, едва различимой в скалах. После пробуждения она стала размышлять, кем же могла быть эта фигура, и вдруг осознала, что "это был сам Бог". Это повергло ее в страшный шок, который не проходил долгое время.

Обычно Святой Дух представляется в христианском искусстве в виде огненного колеса или голубя, а здесь он явлен в виде спирали. Это и есть новая мысль, "еще не содержавшаяся в вероучении", которая спонтанно поднялась из бессознательного. Конечно, не нова та идея, что Святой Дух есть та сила, которая трудится для дальнейшего развития нашего понимания религии; новым тут является символическое выражение этой идеи в форме спирали.

Та же женщина нарисовала вторую картину, также вдохновенную сновидением. Сновидица изображена здесь вместе с ее позитивным анимусом. Они стоят на стенах, высящихся над Иерусалимом, в то самое время, как крыло Сатаны опускается и покрывает мраком город. Это крыло сильно напоминает развевающуюся мантию Бога с первого рисунка, но в первом сновидении наблюдатель смотрит сверху, как бы с небес, и видит перед собою глубокую пропасть между скалами. Движение божественного покрова есть попытка достичь Христа (фигура справа), но эта попытка не вполне удается. На втором рисунке то же самое видится снизу — с человеческой точки зрения. Глядя сверху,

мы получаем картину движения и распространения чего-то божественного — спираль подымается ввысь как символ дальнейшего развития. Если же смотреть снизу, из нашей человеческой реальности, то же самое явление предстает как темное и жуткое крыло дьявола.

В жизни сновидицы эти две картины обрели реальность (она нас здесь не касается), но очевидно то, что в них содержится и коллективное значение, выходящее далеко за пределы личностного. Эти образы могут быть провидением того, что божественная тьма нисходит на христианское полушарие, но эта тьма указывает на возможность дальнейшей эволюции. Так как ось спирали движется не вверх, а вниз по кратине, дальнейшая эволюция ведет не к большей духовной высоте и не к царству материи, но в иное измерение, возможно, к основанию этих божественных фигур. А это основание означает бессознательное.

Когда из бессознательного индивида появляются отличающиеся от нам известных религиозные символы, нередко возникают опасения, что они могут исказить или умалить официально признанные символы религии. Этот страх даже заставляет многих людей отвергать аналитическую психологию и бессознательное в целом.

Если посмотреть на такое сопротивление с психологической точки зрения, то, пока речь идет о религии, люди делятся как бы на три типа. Во-первых, это те, кто искренне верует в свои доктрины, какими бы они ни были. Для этих людей символы и учения так удачно сочетаются, что в глубине души они чувствуют, что никакие сомнения не могут ничего нарушить. Такая гармония возможна, когда сознательные воззрения и бессознательный фундамент находятся в относительном равновесии. Люди этого типа могут себе позволить без предрассудков и страхов наблюдать за новыми психологическими открытиями и фактами, не опасаясь того, что они могут утратить свою веру. Даже если их сновидения привносят далекие от правоверия детали, они без труда интегрируются в общее видение мира.

Второй тип представляют люди, которые полностью утратили веру, заменив ее чисто сознательными рационалистическими мнениями. Для этих людей глубинная психология есть область новых открытий в сфере психического, а потому их ничуть не тревожит исследование сновидений как поиск научной истины.

Третью группу составляют те люди, которые отчасти (головой) уже не верят своей религиозной традиции, но другой частью своего существа к ней привязаны. Хорошим примером может служить французский философ Вольтер. Он жестоко напал на католическую церковь с помощью рационалистических аргументов (*écrasez l'infame*), но на пороге смерти, по некоторым сообщениям, исповедался и причастился. Верно это или нет, но голова у него была безусловно нерелигиозной, тогда как чувства и эмоции оставались католическими. Такие люди напоминают человека, которого зажалю дверью автобуса: они не могут ни войти, ни выйти. Конечно, сновидения могут им помочь в решении этой дилеммы, но у них часто имеются трудности в движении к бессознательному, поскольку они сами не знают, чего хотят. Серьезное принятие бессознательного является делом личного мужества и цельности натуры.

Сложное положение тех, кто оказался на ничейной земле между двумя состояниями ума, отчасти создается тем обстоятельством, что официальные религиозные доктрины принадлежат сфере коллективного сознания (того, что Фрейд называл Сверх-Я), но когда-то они произошли из бессознательного. Здесь впадают в ошибки многие историки религии и богословы. Они полагают, что "откровение" лишь единожды имело место. Долгие годы я искала подтверждения гипотезам Юнга по этой проблеме, но его было нелегко отыскать, так как большинство ритуалов являются столь древними, что невозможно найти их первоисточники. Тем не менее, следующий пример может дать нам ключ к этой проблеме:

Черный Лось, шаман в племени Огалала Сиу, рассказывает в своей автобиографии, что в возрасте девяти лет он серьезно заболел и в близком к коме состоянии у него было видение необычайной силы. Он видел четыре стада прекрасных коней, сбегających с четырех сторон света, а затем, сидя в облаке, он увидел Шесть Праотцев, духов предков его племени — "праотцев всего мира". Они дали ему шесть делительных символов для его народа и указали новые пути жизни. Но когда ему исполнилось 16 лет, у него вдруг развилась фобия: всякий раз, как во время грозы раздавался гром, ему слышались голоса "людей грома", призывавших его "поторопиться". Это напомнило ему о громе, который звучал, когда к нему приближались лошади из его видения. Старый шаман объяснил ему, что этот страх был от того, что он хранил свое видение про себя, не поделился им с людьми своего племени. Он сделал это, а затем вместе с племенем превратил его в ритуал, используя реальных лошадей. Не только сам Черный Лось, но и

многие другие члены племени почувствовали себя много лучше после этого ритуала. Некоторые даже избавились от своих болезней. Черный Лось говорит: "Даже кони после пляски кажутся здоровее и счастливее".

Ритуал не повторялся, поскольку вскоре племя было разбито. Но есть случаи сохранения ритуалов до сего дня. Племена эскимосов, живущие по реке Колвилл на Аляске, так объясняют происхождение своего праздника орла:

"Молодой охотник застрелил необычайного орла и, изумившись красоте мертвой птицы, сделал из него фетиш и стал приносить ему жертвоприношения. Однажды, когда он охотился в дальних землях, перед ним возникли два посланца-зверочеловека. Они повели его в страну орлов. Там он услышал грохот бубнов, а посланники объяснили ему, что это бьется сердце матери орла. Затем ему явился орлиный дух в виде одетой в черное женщины. Она попросила его ввести праздник орла среди своего народа, чтобы тот почитал память ее убитого сына. После того, как народ показал ему, как это сделать, он неожиданно обнаружил себя изнеможенным в том самом месте, где встретился с посланцами. Возвратившись домой, он научил свой народ великому празднику орла — с тех пор они его отмечают".

Примеры такого рода показывают, как ритуалы или религиозные обычаи проистекают прямо из бессознательного откровения, испытанного одним человеком. Отсюда живущие культурными группами люди развивают свои религиозные практики, оказывающие огромное воздействие на всю жизнь общества. На протяжении долгой эволюции первоначальный материал оформляется и переоформляется в слова и действия, украшается, обретает все более четкие очертания. Но этот процесс кристаллизации обладает одним существенным недостатком. Все большее число людей не имеет первоначального опыта. Они верят на слово старшим и учителям, они уже не знают о реальности событий и не представляют себе, что переживается во время такого опыта.

В своих нынешних чрезвычайно древних и переработанных формах религиозные традиции нередко оказывают сопротивление творческим переменам, происходящим из бессознательного. Теологи даже защищают эти "истинные" религиозные символы и доктрины против открытия религиозной функции в бессознательной психике. Они забывают о том, что защищаемые ими ценности сами существуют лишь благодаря этой функции. Без человеческой души, получающей божественное вдохновение, перелагающей его в слова и украшающей его в произведениях искусства, символы никогда не вошли бы в реальность человеческой жизни. (Достаточно вспомнить пророков и авторов евангелий).

Если кто-нибудь возразит, что существует сама религиозная реальность, независимая от человеческой психики, то я могу ответить только вопросом: "А кто это говорит, разве не человеческая душа?" Что бы мы ни утверждали, нам никогда не уйти от существования психики — мы сами в ней содержимся и только через нее воспринимаем реальность.

Современные открытия бессознательного навсегда захлопнули одну дверь. Они полностью исключают иллюзорную идею, будто человек способен познавать духовную реальность саму по себе. В современной физике эта дверь была также закрыта Гейзенбергом с его "принципом неопределенности", изгоняющим вздорную мысль, будто мы можем постичь абсолютную физическую реальность. Открытие бессознательного, однако, компенсирует утрату этих излюбленных иллюзий, открывая перед нами огромное и неисследованное поле опыта, где научная объективность странным образом сочетается с личным этическим поиском.

Но, как было мною сказано в самом начале, практически невозможно включить всю реальность личного опыта в это поле. Многое вообще уникально, лишь отчасти выразимо с помощью языка. Здесь также хлопывается дверь и изгоняется иллюзия, будто мы способны полностью понять другого человека и рассказать ему, что он должен делать. Но и здесь это компенсируется тем, что в новом царстве опыта открывается социальная функция Самости, которая тайным образом работает на объединение обособленных индивидов.

Интеллектуальная болтовня тем самым заменяется осмысленностью событий в психической реальности. Поэтому процесс индивидуации требует от индивида новой жизненной ориентации. Для ученых это также означает новый и отличный от прежнего научный подход к фактам внешнего мира. Трудно сказать заранее, как эти подходы будут работать в поле наук о человеке и в общественной жизни. Но для меня очевидно, что открытый Юнгом процесс индивидуации является тем фактом, который обязательно будет приниматься во внимание грядущими поколениями, если они стремятся вперед и не хотят скатываться в болото застоя.